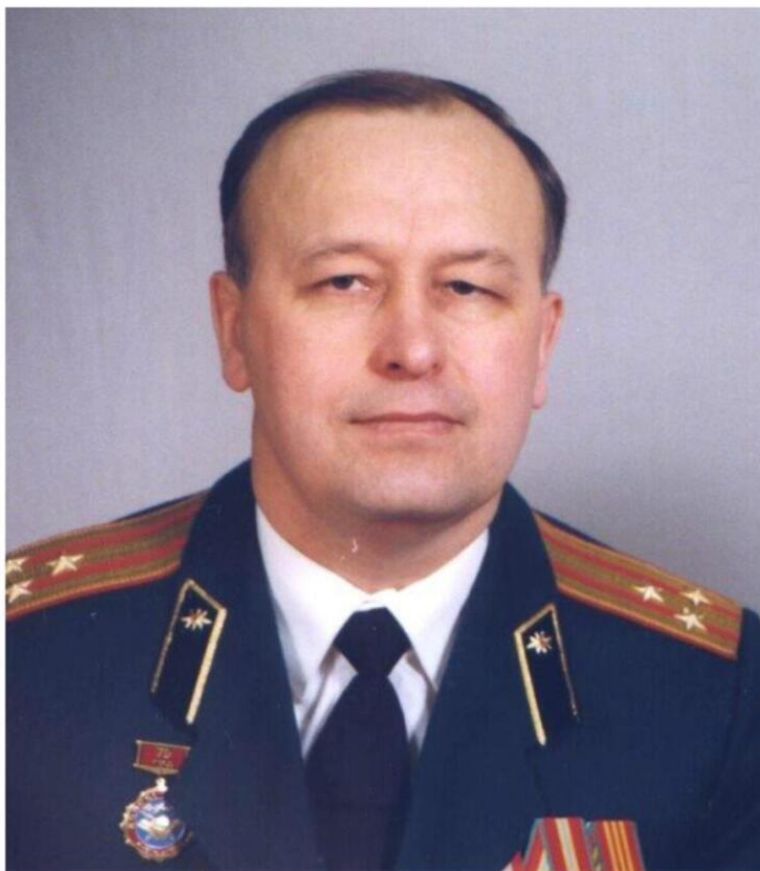

М.А.Коротков

Очерки

ИЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

Ростов - 2024

Михаил Коротков

**Очерки из жизни
советского офицера**

«Автор»

2024

Коротков М. А.

Очерки из жизни советского офицера / М. А. Коротков —
«Автор», 2024

Это книга о жизненном пути автора, его принципах, достижениях и поражениях. В книге приведены многие автобиографические моменты, а также жизненные ситуации, которые возникали в период прохождения воинской службы. Преодолевая возникающие препятствия, автор становится мудрее и, порой, критически относится к своим поступкам. Он представляет на суд публике свое видение войны и мира, любви и дружбы, семьи и детства. Многие фамилии и имена изменены.

© Коротков М. А., 2024

© Автор, 2024

Михаил Коротков

Очерки из жизни советского офицера

От автора

Я решил написать эту повесть-воспоминание по многим причинам. Главная из них – мне бы хотелось, чтобы мои потомки знали обо мне чуть больше, чем я знал о своих предках. Они не оставили о себе, кроме фото, почти ничего, что бы говорило мне, как они жили и каково им было в их жизни. Вот мой дед, тоже Михаил Александрович, он ушел из жизни за пять лет до моего рождения. Я его не видел, лишь наблюдал вещи, которые остались после него: различные колодки для изготовления обуви, много различных ножей, которые, видимо, служили ему для обработки кожи. Он был сапожником. Хорошим сапожником. В детстве, лазая по чердаку деревенского дома, я находил много старых вещей, которые мне говорили о нем.

Структура дома была очень интересной. Если смотреть на дом прямо, то правее крыльца находится дверь во двор, далее ворота, как зайдешь в них, сразу справа – будка туалета, за туалетом, в правом углу – загон для коровы. Она там была, я помню. В другом углу этой (северной) стороны был бревенчатый утепленный сруб, бабушка называла его «омшельник». Там, в студеные зимы, я обычно находил козлят, поросят или другую живность. Мне особенно нравились козлята. Они пахли как то по-особенному, завораживающе, и всегда были веселыми – забавно прыгали на низенькую табуретку и бодались, спихивая друг друга вниз. На западной стене в половину высоты находился сеновал, под ним загоны для овец и коз. Эти загоны с западной стороны прикрывались еще одними воротами. Открывая их, можно было выпустить скотину сразу из всех загонів, исключая корову. Еще один сеновал, очень высокий, был над «омшельником» и загонем для коровы. К нему была приставлена лестница. Когда мне было грустно, я забирался туда, на самый верх и думал свои думы. Вдоль всего двора, на высоте стен лежало большое несущее бревно, которое, видимо, укрепляло всю конструкцию. Будучи маленьким, я ходил по этому бревну и однажды упал с него. Говорили, что получил при этом сотрясение мозга. На южной стене двора, что примыкала к крыльцу, слева была входная дверь и правее ее – большой ларь для всякой всячины, который правым краем соприкасался с загонами. А перед ларем – на цепи сидела собака, которую я, будучи маленьким и неблагоразумным, часто дразнил. И однажды она отплатила мне – на лице на всю жизнь остались отпечатки ее зубов.

Отдельно хочется сказать о крыльце и сенях¹ дома. Сразу за входной дверью, направо была дверь во двор. Прямо же, чуть правее – дверка в подполье, чуть левее – ступеньки вверх, которые заканчивались небольшой площадкой, с дверями на три стороны. Левая, массивная дверь – в дом. По центру – дверка в шкаф для хранения продуктов. Справа – дверка, которая открывала лестницу на чердак. Ниже этой дверки, вдоль всех ступенек вниз были еще открывающиеся створки, за которыми я находил принадлежности для изготовления обуви и множество деревянных колодок различной формы, которые дед использовал в своей работе сапожника.

Как-то раз, на полке, которая была над окном на кухне, я наткнулся на шкатулку, полную старых денег. Там были пятирублевки царские, совсем новые, они даже хрустели. Цвета они были синего, а в середине купюры красовался царский шатер, отороченный горностаем, и где то еще, возможно на другой стороне, красовался двуглавый орел, на крыльях которого виднелись гербы, а в когтях – скипетр и держава.

Были там и советские деньги. Особенно меня удивила советская купюра номиналом 10000 рублей. В то время, когда произошло это событие, все покупалось за копейки, и такой номинал купюры просто шокировал. Что касается моего деда (Михаила), бабушка Аня мало рассказывала мне про него. Я знал лишь, что он воевал в первую мировую, был разведчиком и был ранен. Его награды и пуля, которую из него достали, тоже были в той шкатулке.

На одной планке – медаль за храбрость и георгиевский крест. Что меня удивило тогда, что стороны медали располагались не так, как было принято в наше время. На лицевой стороне медали было выгравировано «ЗА ХРАБРОСТЬ», а портрет царя Николая II был на внутренней стороне, ближе к сердцу. Бабушка рассказывала, что он раненый ползком пробирался из разведки, и ему встретился австрияк, который его увидел, но добивать не стал, хотя дед просил его об этом.

Вот и все, что я знаю о дедушке, по линии отца. Позже я нашел материалы про полк, в котором он служил. Это 145 пехотный Новочеркасский полк. В интернете есть книга-воспоминание одного из офицеров этого полка². Я читал ее с трепетом и упоением, проходя мысленно рядом с дедом его нелегкий боевой путь. А ранен дедушка был 10 августа 1916 года. Об этом я узнал из картотеки потерь, которая была опубликована на одном из сайтов глобальной сети.

Мы с сестрой Наташей пытались, как то, систематизировать нашу родословную. Наташа по опросам родственников собрала некоторую информацию о наших предках в Вощажникове, и я привожу ее здесь без правок, хотя лично у меня есть сомнения в достоверности некоторых фактов. Например, когда я был маленьким и исследовал чердак дома, на его козырьке я видел цифры, вырезанные из дерева. Это были цифры 1897. Это год построения дома. Наташа же приводит цифру 1926.

Пишет Наташа (моя сестра): «Мать бабушки Ани Шорохова Александра Капитоновна (прожила 94 года, похоронена в Вощажникове), отец бабушки Ани Шорохов Александр Михайлович (похоронен в Николе Березниках). Бабушка Аня была пятым и последним ребёнком. Два старших её брата погибли в первую мировую войну, третий брат Семён (играл на гармошке) погиб во вторую мировую войну, четвёртый Леонид выжил (был военным, несколько раз горел в танке) и долго жил в г. Данилове. Вся семья б. Ани жила в д. Денисьево (самый большой дом). У них был крахмало-паточный заводик. Раскулачили. Отца б. Ани хотели посадить, но вся деревня встала на защиту и его не тронули. Отец б. Ани был очень хорошим строителем, почти половину домов в Вощажникове построил он, в т. ч. и бабушкин дом в 1926г. (на его месте теперь новый дом 2017 г.). Муж б. Ани (дедушка) Коротков Михаил Александрович (прожил 58 лет, пох. в Вощажникове) был ранен осколком в ногу в первую мировую, но выжил и работал потом на обувной фабрике, был хорошим сапожником. У него было два брата. Они родом из Николы Пеня. Потомки братьев Коротковых живут в Вощажникове. Бабушку Аню тоже раскулачивали, отняли всё. Папу из-за этого не приняли в комсомол. Дед папы Александр Александрович, жил в деревне Денисьево. Бабушку папа не помнит. У деда (Михаила Александровича) было 2 брата, Александр Александрович (дом у пруда), Василий Александрович (красный посад)».

Приведу некоторые пояснения касательно расположения этих домов. Наш (родительский) дом долгое время был крайним. Здесь становится понятным назначение вторых ворот для скота. В более поздние годы появился с западной стороны дом соседей Тихоновых. К центру же поселка, с восточной стороны от нашего дома шли дома Яблоковых, за ним Графовых, далее Шишкиных, и, наконец, Коротковых (потомки брата деда Александра Александровича). Этот дом стоял на берегу большого пруда. В период моего детства там жили дядя Саша и тетя Соня. Дядя Саша был большим любителем шашек. Он любил их до фанатизма. Помню, как мы с отцом часто ходили в их дом играть в шашки. Когда дядя Саша проигрывал, он очень страдал. Именно благодаря ему я, наверное, теперь сносно играю в шашки. Дядя Саша и тетя Соня Коротковы похоронены на деревенском кладбище справа от входа, прямо перед церковью. Сестра мамы, тетя Елена Михайловна с мужем Николаем Антоновичем (в действительности Отговичем) проживали в пихтовой роще, недалеко от развалин графского дома. Говорили, что раньше на этом месте была графская баня.

Пишет Эмилия (дочь Елены Михайловны, старшей сестры мамы): «Папа Николай, родился в Вошажниково, его родители бабушка Эмма и дедушка Отто эмигрировали из Латвии в 1910 году, дедушка даже раньше. Они работали и жили в Шереметевском графском имении. Наш домик (что в роще) тоже был имуществом графа. Дедушке он достался после революции, а самого его арестовали в 1937 году как немецкого шпиона из-за фамилии (Мезис), и домой он больше не вернулся. У нашей соседки (старушки) были родственники в Финляндии, они часто присылали ей посылки и письма, она с нами делилась».

О родителях мамы я знаю еще меньше. Их звали Михаил и Екатерина. Они жили в деревне Юрьево, километров в пяти от села Диево-Городище Ярославской области. В памяти остался лишь образ деда, как он брал меня на руки, и я, обнимая его, трепетал от душистого запаха махорки – так мне было хорошо. Вот и все. Как говорила мама, он умер тихо, во сне. Где то в этом же временном отрезке умерла и бабушка, она не могла долго жить без него. Мама очень переживала о родителях. Я помню, как она рыдала в нашей меленькой однокомнатной квартирке в Ростове. Но об этом я напишу позже. У меня остался в памяти этот дом в Юрьево, и эта небольшая деревня, с маленьким пожарным прудом посередине. Я не знаю, есть ли она сейчас.

В настоящее время я пополнил свои знания о маминой родне. Публикую это в том виде, как есть у меня на март 2024 года:

Пишет Эмилия (дочь Елены Михайловны, старшей сестры мамы): «Екатерина и Михаил – это Юрьевские дедушка и бабушка, у них было 8 детей: Мария (?), Федор (Ярославль), Елена (Вошажниково), Александр (?), Константин (Киев), Варвара (Вошажниково), Александра (?), Василий (?)

Старшая Мария жила в соседней деревне от с. Юрьево, дядя Федор- в Ярославле, Василий до смерти жил с родителями, в последние годы жизни в с.Диево-Городище, тётя Шура (Узбекистан- Ярославль), д. Саша (Западная Украина- Ярославль), д. Костя- Киев, брат Володя жил и умер в Рыбинске, его жена Людмила жива».

Мама, незадолго до своей смерти, просила меня съездить с ней в Юрьево, и я обещал. Но побывать там мы так и не смогли. И теперь это моя навязчивая боль. Я начал писать этот очерк на заключительном отрезке своей жизни, в марте 2024 года. В этом году мне исполнится 70 лет. Я посвящаю этот очерк моим потомкам, чтобы они прожили свою жизнь честно, и, может быть, более удачно, чем я. Хотя и мне жаловаться на жизнь не приходится. У меня двое детей, внучка Дашенька. У Дениса замечательная жена Мария. Надеюсь, что и у них будут прекрасные дети.

К сожалению, моя первая жена не увидела внуков. Земля ей пухом.

5 марта 2024 года.

Я не кошка, но я прожил девять жизней, в каждой из которых я был другой. У каждой жизни были свои координаты, своя обстановка и свое окружение. Порой они пересекались, но еще чаще не имели ничего общего.

Жизнь I. Детство (15.10.1954-31.07.1972)

Ползком

Я сейчас порой думаю, какое счастье, что я родился и жил в России, великой стране, на земле, над которой никогда не заходит солнце, и прожил свою жизнь вместе в ней, в радости и в горе. Ведь я мог родиться каким-нибудь негром, и жить в Африке, или мексиканцем, и крался бы сейчас тайными тропами через кордоны США. Я не имел бы столько счастья в своей жизни, не познал бы духовной силы Великой нации. Бог был со мной. Слава богу!

Из раннего детства я мало что помню. Всего несколько сюжетов. Первый: я сижу на земле у завалинки деревенского дома и отколупываю глину, которой была обмазана пакля между бревен сруба, и все это отправляю в рот. Наверное, было очень вкусно, так как я ел это, пока

не вмешались родители. Сколько мне было лет тогда, интересно? Этот дом стоял через дорогу напротив пихтовой рощи, посаженной еще графом Шереметевым. Еще помню, как родители взяли меня с собой, отправляясь на свадьбу в деревню Никола Березники. Эта деревня в паре километров от села Ващажниково, и сейчас там едва ли кто живет. Так вот, чтобы я не беспокоил своим присутствием веселую компанию, мне дали миску с медом. Судя по последующей реакции, я съел ее всю. Это имело долгосрочные последствия, так как почти всю оставшуюся жизнь, где то лет до 50 я на дух не переваривал мед. Да и в дальнейшем, употреблял его только в силу острой необходимости.

Юрьево

Мало что мне запомнилось из событий, связанных с родиной мамы, деревней Юрьево. Однажды, находясь там, я сильно заболел, и, поскольку у меня была очень высокая температура, я бредил. Жизнь моя в тот момент, и я теперь это понимаю, висела на волоске. Хорошо запомнились ощущения: в глазах возникали красные расходящиеся круги, и было очень страшно. Так страшно мне больше никогда не было в моей жизни. Мама качала меня на руках, а я ревел. Чем бы это ни закончилось, но, поскольку я еще жив, все обошлось.

Есть более поздние воспоминания, связанные с этой деревней. Там, в самой ее середине находился пруд и большое дерево рядом. На дереве при пристальном рассмотрении виднелись следы от дробового выстрела и кровь. Здесь кто то, по неосторожности, или с перепоею застрелил ребенка. Вот такая была деревня Юрьево. Мне было тогда лет пять. В этом же возрасте, наконец, решили меня крестить. Хотя это тогда не приветствовалось, но настояла мама. И делали это в тайне, чтобы никто не знал. Меня, без широкой огласки, увезли в кабине машины эмки в село Диево-Городище. Церковь была там. Помню грунтовку, всю в ухабах, и дорожную колею, как трясло в кабине. Смутно припоминаю саму процедуру крещения. Как окунали в воду – не помню. Не много, для такого важного события.

Вощажниково

К пятилетнему возрасту относятся и воспоминания о рождении моей сестры Наташи. Когда ее привезли из родильного в Вощажниково, где я в то время находился, мне подарили большой пакет фиников. Вот так я запомнил появление ее на свет. Интересные сведения о рождении детей я имел тогда. Каким-то неведомым образом мне в руки попала книга о рождении ребенка, видимо ее читала мама. Не знаю, умел ли я читать тогда, потому что меня интересовала только картинка с ребенком в чреве матери. Почему-то я решил, глядя на эту картинку, которая представлялась достаточно сложной, что ребенок появляется сзади, через попу, и думал так достаточно долго, пока меня не убедили в обратном в более позднем возрасте.

Очень хорошо помню убранство большой комнаты (гостиной) деревенского дома в Вощажникове. Я наблюдал его, сидя на шее у отца. Северная сторона комнаты, там, где большая, тяжелая, обитая утеплителем входная дверь: слева от двери, на деревянной стене висела карта Ростовского района, где-то 50 x 50 см., с указанием численности населения. Мне запало, что в Ростове тогда было 30 000 чел. Над дверью была прибита картонная книга-раскладушка, где бы запечатлен сказочный сюжет про медведей или что то вроде этого. Такие книги дают грудничкам, чтобы не отправили в рот. Не понятно, зачем родители это сделали, ведь я в этом возрасте уже не ел книги. С правой руки, если смотреть на дверь, на полу, в самом углу, стоял большой сундук. Меня очень интересовало, что там, но я никогда его не открывал, так как крышка была на замке. С восточной стороны, или по правую руку, если смотреть на дверь, была арка входа на кухню, чуть правее от сундука. Далее до входа в большую комнату стояла большая лежанка длиной в рост человека из белых изразцовых кирпичей с синим узором, и над ней деревянная перегородка, на которой висели фотографии отца бабушки, ее братьев Семена и Василия (оба погибли в двух мировых войнах). И дедушки Михаила, с его наградами. Над дверью в светлицу висела групповая фотография солдат первой мировой войны, что осталась от деда. Мне она запомнилась тем, что все солдаты были в фуражках. В наше время в фураж-

ках ходили только офицеры, а солдаты – в пилотках, и мне это было удивительно. Сейчас эта фотография утрачена. Правее от двери, в углу комнаты на стуле, в большой плоске стояло финиковое дерево. Мне говорили, что его посадили из косточки финика в день появления моей младшей сестры. Это финиковое дерево долго стояло в углу, выросло большим, и было утрачено вместе с домом.

В этом же углу, над деревом, висела икона Богородицы с ребенком. Она грозила пальцем. Когда я баловался, мне прилетало по затылку и при этом показывали на икону и говорили, что это она сердится. Судьба этой иконы так же мне не известна. Вроде как отец увез ее в Ростов, потом или отдал брату Аркадию или что то еще. Словом, иконы сейчас нет. На западной стороне комнаты было два окна и между ними висело большое старое зеркало, изображение на нем искажалось из-за пузырей, которых было в избытке на обратной его стороне. Под зеркалом стоял массивный деревянный стол. Помню, на этом столе лежал лист белой бумаги, и мама гребнем на это лист вычесывала вшей из моей головы. Когда вши падали на лист, мама давила их уголком гребня, от чего вши лопались, противно шелкая. Потом мне голову посыпали дустом. Удовольствие, я вам скажу, не из приятных. А в углу между западными окнами и входной дверью стояла большая швейная машинка. Много лет спустя, я наблюдал останки этой машинки на свалке в огороде. Из гостиной, под аркой был вход на кухню. Сразу, как пройдешь арку, слева была кровать. На ней бабушка часто отдыхала и я рядом с ней. Помню, лежа на кровати, она пела мне песню «Черный ворон». Я помню эту песню, и до сих пор пою ее по-своему, не так, как она звучит на современной эстраде. И еще у нее была хулиганская песня, она мне ее тоже часто пела. Я запомнил ее слова:

*«Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Заголя жопу по улице бежит,
Он бежит-бежит по-перед*вает,
За веревочку подергивает».*

Матерная песня, конечно, но, как говорится, из песни слов не выкинешь.

По правую руку, сразу за аркой, была огромная русская печь. Чтобы забраться туда наверх, в ее стенке были сделаны углубления, которые служили ступеньками. Так же весь периметр печи обрамляли «печурки»³ (такие углубления в стенке печи), в которых лежали и сохли рукавички, носки и все такое. С этой печкой у меня связаны особые воспоминания, но об этом позже.

В углу кухни слева, сразу за кроватью, зимой стояла буржуйка, труба от нее выводилась в русскую печь и шла сверху поперек всей кухни. Летом буржуйку снимали. Здесь же, чуть ближе к центру комнаты, был люк в подполье. По центру – окно, под ним – большая лавка, во всю ширину кухни. Над лавкой – окно, и над окном – полка, так же во всю ширину стены, и она заходила еще направо и упиралась в печь. Справа, под этой полкой были еще полки, по – меньше, для кухонных принадлежностей. Если встать спиной к окну, то открывался вид на жерло печи. Оно закрывалось металлической заслонкой. Справа и слева от него были две печурки, а слева, в углу, стояли ухваты, с помощью которых в печку помещались чугуны для приготовления пищи. Вкуснее всего в чугунах получалась пшенная каша. Никаким другим образом, ни в каком современном кухонном приборе, нельзя повторить этот удивительный вкус.

Бани в то время у нас не было, и бабушка мылась сама и мыла меня в этой русской печи. Светлица (передняя комната) ничего особенного из себя не представляла. Большая просторная комната на 6 окон. Как войдешь, слева – стенка лежанки. Левая часть комнаты кустарным способом была отгорожена (2 окна, на юг и на восток). Там иногда жил брат отца Аркадий. Впоследствии вместо восточного окна Аркадий сделал себе отдельный вход. В светлице зимой не жили.

Я с бабушкой любил отдыхать на ее кровати, потому что она рассказывала мне много чего интересного. Например, про волков. Они в то время часто появлялись ночами в селе. Она, за свою жизнь, близко встречалась с ними, как минимум, четыре раза. Первый раз, она ехала на лошади по лесу, рядом бежала собака. Вдруг лошадь забеспокоилась, встрепелась, а собака, поджав хвост, забила под телегу. Прямо перед повозкой дорогу перебежал огромный волчище. Второй раз она видела волка, когда работала в поле. Была осень, волк вышел из близлежащего леса и, глядя на нее, стал лапами чекать землю и сухую листву. Так продолжалось пару минут, потом он так же спокойно удалился восвояси. В третий раз она видела близко волков, когда они пришли в село. Их тени мелькали у клуба, что стоял в пятидесяти метрах от дома. На беду, мой папа, в то время еще маленький мальчик, гулял на противоположном посаде села. Как все обошлось тогда, мне не запомнилось.

И последний случай, наверное, самый ужасный, когда волк пробрался на наш скотный двор. Услышав возню и крики животных, бабушка побежала туда и, открыв дверь, была сбита им с ног. Волк же через открытую дверь, не причинив ей большого вреда, убежал восвояси. Бабушка иногда рассказывала мне про своего деда. Он был управляющим в поместье графа Шереметева, любил охоту и часто охотился с графом, загоняя волков. И тогда волки боялись приходить в село. Но графьев в наше время уже не было. Их память хранили развалины в центре пихтовой рощи, которую граф же и посадил. Меня бабушка посылала на эти развалины за известкой, которую она добавляла в корм курицам.

Были у меня в Вожажникове друзья: Женя Большаков, что жил на посаде напротив, Игорь Яблоков, москвич, который в село приезжал только летом к родственникам – нашим соседям, Сережа Шишкин, жил через два дома от нас. Последним в нашу компанию добавился Вовка Колчунов, из крайнего дома на нашем посаде. Из всех перечисленных, кроме меня, да Володи Колчунова в живых уже нет никого. Первым ушел москвич Игорь. Мы даже толком и не узнали, что с ним приключилось. Просто родственники сказали, что он умер и похоронен в Москве. Игорь был хорошим футболистом, по нашим меркам, конечно. Невысокого роста, русый, немного конопатый, из-за чего мы дали ему обидное прозвище «Пескарь». Он, единственный из мальчишек выигрывал у меня в шахматы, но не в шашки, конечно. Мы могли играть с ним в шахматы целыми днями. Но больше всего времени мы проводили с Женей. Можно сказать, что он был моим лучшим другом в том смысле, как мы тогда понимали дружбу. С Женей мы занимались другими делами. Начитавшись книжек про войну, мы буквально грезили войной. Нашим штабом была старая баня, что стояла за огородом. Там, на чердаке лежала военная книга про главные операции Красной армии 1941-1945 гг. Не скажу сейчас откуда она у нас появилась. Книга была потрепанная, с выпавшими листами. Но читать мы умели и ее читали. В результате прочтения на полу деревенского дома появились пластилиновые макеты русских и немецких танков, которые вели беспощадную борьбу между собой. Женя всегда играл за немцев, потому что он был полный и немного походил на тучных и смешных немцев, которых нам показывал советский кинематограф. Он знал два немецких слова «Хальт» и «Хенде хох» и это определяло все. По мере расширения кругозора место танков заняли стройные полки солдат 1812 года в расписных мундирах из разноцветного пластилина. Спектакль поднялся на новый уровень: появились короли, королевы, дворцовые интриги. Женя после армии работал в Ростове, женился на моей однокласснице и умер в 2022 году от сердечного приступа. Похоронен он на сельском кладбище, недалеко от могилы Елены Михайловны, сестры мамы. У него была старшая сестра Люся и младший брат Вася. Люся умерла в младенчестве от сахарного диабета. Вася жив, проживает в Ярославле.

Трагичная судьба сложилась у Сережи Шишкина. Он погиб в свой день рождения, когда мы играли в старой церкви, что стояла на кладбище и была когда-то складом. Его задавило тяжелыми церковными воротами, которые мы в процессе игры, штурмуя крепость, коей являлась эта злополучная церковь, случайно сняли с петель. Сережа полез по воротам наверх,

к надвратной щели, чтобы посмотреть, что творится внутри. Его маленького веса оказалось достаточно, чтобы вывести из ворота из равновесия. Когда они рухнули и мы в страхе выбежали наружу, то увидели торчащую из-под ворот руку. Из крайнего дома, что стоял у самого кладбища, к нам бежала и проклинала нас всеми святыми старуха Сима Кестер. Ужас вселился в нас. Все себя от страха, я убежал и спрятался в саду, откуда с опаской наблюдал, что происходит вокруг. На телеге из села везли Сережину мать. Она выла как белуга. Незадолго до этого трагического происшествия Сережа пригласил меня на свой день рождения. По страшному стечению обстоятельств он умер в день, час и минуту своего рождения. Как тут не поверить в божий промысел. Не знаю, сколько лет ему было, но он был младше нас и, поэтому, всю вину за случившееся возложили на нас с Женей. С тех пор, что бы ни происходило в селе, первыми подозреваемыми всегда были мы. А Шишкин дом я обходил другим посадом. Закончилось наше преследование на селе только тогда, когда я стал курсантом военного училища. В представлении сельчан курсант военного училища бандитом быть не мог.

Приведу один из примеров такого преследования. Как то загорелся ветеринарный пункт, который в то время находился в 20 метрах за кладбищем. Помню, как мой отец самоотверженно принимал участие в его тушении. Но мне это не помогло. На следующее утро за мной приходит милиционер и ведет в сторону пепелища. Рядом со сгоревшим зданием стоит сарайчик. Мне предлагается пролезть в щель, что имеется между крышей и срубом. Не понимая замысла, я сильно старался, но мое тело не желало туда пролезать. И это меня спасло. Оказывается, в этот сарайчик от пожара поместили спиртосодержащие жидкости. И, как водится в таких случаях, часть этих жидкостей испарилась. Первым подозреваемым, как самый старший из известных «бандитов» был я. То, что в этом возрасте я не только не пробовал спиртного, но даже не нюхал его, никого не волновало. Штамп «бандит» предполагал наличие всех пороков.

Сказать откровенно, мы были, конечно, не безгрешны. Но наши грехи заключались в проникновении в чужой сад с нанесением ущерба плодовым культурам. Здесь мы были очень грешны, потому что не было сада-огорода на селе, который бы мы не посетили, исключая свои сады, конечно. Из общей радужной картины выпадает лишь один случай, но и он произошел из-за непонимания нами последствий содеянного. А дело было так. Иногда в село на летнюю практику приезжали студенты Ярославского художественного училища. Так случилось и в то лето. Жили они на почте, в центре села, а днем расходились по окрестностям в поисках пейзажей. Студенты вообще то люди счастливые и беззаботные. Прислонив к дереву графской рощи свои мольберты, они радовались жизни и, видимо, на какое то время, забыли про них и оставили без присмотра. На беду, в этих местах пролегал маршрут наших обычных игр. Увидев мольберты с солидным запасом эскизов, и не обнаружив в пределах видимости их собственников, мы решили попытать себя в этой нелегкой, но интересной профессии. Забрав картины, кисточки и краски к себе домой, мы с присущим вдохновением приступили к работе. От нее нас отвлекли крики на улице, с которыми разъяренные студенты ворвались к нам в дом и стали бить нас с Женькой прямо при бабушке. Похоже, им очень не понравились усы, которые мы успели подрисовать некоторым персонажам. Но красный закат, что я добавил к вечерней церквушке, смотрелся совсем не плохо.

И снова скажу о божьем промысле. Вот эти студенты художники не только писали природу, но и портреты, для чего за деньги приглашали детей позировать. До того несчастного случая с картинами, я тоже ходил позировать и мне понравилась картина с девочкой, написанная кем то в текущую сессию. Она висела на стене, как образец. Напротив почты, где квартировали художники, есть пруд. И как раз с этой девочкой на пруде случилось несчастье. Она не умела плавать, и всегда, купаясь, заправляла в купальник упругий резиновый мячик, который держал ее на поверхности. В тот день, каким то образом, мячик выскочил из купальника. Девочка была недалеко от берега и если бы поплыла к нему, то спаслась бы. Но она решила плыть за мячиком, который выскальзывал и выскальзывал из рук. И случилась беда.

Несмотря ни на что, Вожажниково для меня, как для ребенка, было большим шагом в развитии и, по сути, определило мой дальнейший жизненный путь. Здесь я научился играть в шашки и шахматы, стал читать и читал очень много. Мне до замирания сердца нравились исторические романы. Моим первым романом был «Троянская война и ее герои». Я прочитал его, находясь в местной больнице, куда угодил с почками. В дальнейшем, я перечитывал это роман раз 5-7. Так же моими любимыми книгами были романы «Зори над Русью», «Иван третий – государь всея Руси», «Железный век». В подростковом возрасте, отдыхая на летних каникулах у бабушки, я перечитал все, что было в местной библиотеке про историю. Наши игры от пластилиновых танков и солдатиков так же перетекли в реальную плоскость. Мы мастерили мечи, делали щиты из полукруглых стенок фанерных бочек (такие находили у больницы), самострелы, и даже шлемы из толстого картона, на что уходили все коробки, что имелись в доме и у соседей. Полями наших баталлий были двойные кусты, расположенные за кладбищем, а так же большой массив деревьев, расположенный за прудами. Он был огорожен, и там паслись свиньи, которые нам совершать ратные подвиги совсем не мешали. Еще, на дальнем краю малого пруда, что в 50 метрах за нашим огородом, в то время стояла старая мельница, тоже значимое место. Теперь ее нет. В наших играх, кроме трагического случая, произошедшего с Сережей Шишкиным, могла произойти еще одна трагедия, но там бог был на нашей стороне. Во время одного из рыцарских поединков, я выстрелил из самострела в Игоря Яблокова. В то время мы делали самострелы достаточно хорошо, по классике: лук, приклад, цевье с желобом для стрелы. Тетива натягивалась на выступ, на котором лежал кожаный язычок (благо от деда кожи осталось много). Натягиванием язычка производился спуск тетивы (выстрел). Стрелы были разные. Некоторые, над которыми мы успели хорошо поработать, имели на конце гвоздь. Вот такая стрела полетела в Игоря и, пробив картонный шлем, воткнулась ему в лоб. Не припомню каких то истерик по этому поводу – значит все обошлось.

И еще в деревне я попробовал кое что, от чего моя душа была на такой вершине блаженства, какую не испытывал от чего то еще. Никогда в последующей жизни я не пробовал ничего вкуснее этого. Это была сырокопченая колбаса! Ее, только что приготовленную, нес мимо нашего дома какой то мужик, и отчего то решил меня угостить. До этого момента я совсем не знал что такое колбаса. А тут свежая и сырокопченая, еще теплая!

Кроме рыцарских игр, шашек/шахмат, чтения книг и экскурсий по садам, был еще один интерес. Мы интересовались жизнью птиц. Спусковым крючком этого интереса послужили бабушкины гуси. На всех дворах в начале лета были маленькие гуси, где-то побольше, где-то поменьше. До приличного возраста они не доживали, но в начале лета ходили стайками по принадлежности к хозяйству, такие дружные маленькие гусята. И у каждой стайки была своя территория, за которую они отчаянно сражались. Мимо мальчишек, по определению, такое пройти не могло. Мы стояли, каждый за своих гусей, вынуждая их, порой против воли, вступать в схватки друг с другом. От гусей наш интерес стал расширяться и достиг галок, которые жили под крышей клуба. Весной у них в гнездах птенцы. Попасть на чердак клуба для завсегдаев села не составляло проблемы: в туалете клуба была дыра в потолке. Многие птенцы из гнезд перекочевали к нам. В бане, что стояла за огородом, мы сделали свое гнездо из старого стула, перевернув сиденье вверх дном. Стул был допотопный, и напигован не ватой, а соломой. Короче, гнездо соответствовало самым изысканным требованиям. Мы помещали туда птенцов и заботливо кормили их, выкапывая из навозных куч на огороде червяков, жуков и все такое. Но после каждой ночи птенцы погибали. Мы приносили других птенцов, но они не проживали у нас больше суток. В конце концов, нам это надоело, и мы оставили птиц в покое. По прошествии лет, мне кажется, надо было дать птенцам питье.

Печка

Мое повествование было бы не полным, если бы я ничего не рассказал о русской печи, которая была у бабушки. Структуру печи я уже описал в предыдущей главе. Печь была очень

большая и тяжелая, к ней примыкала еще лежанка. В какое то время дом из-за нее стал проседать, и отцу пришлось с помощью домкратов подводить под печь бетонные столбы. Теперь я расскажу об ощущениях, когда ты спишь и живешь на печи. Да, у меня не было кровати в бабушкином доме, и я спал на печи. Гладкие до блеска красные огнеупорные кирпичи не раздражали, на них лежал тоненький матрасик, который, как и печка был всегда теплым или горячим. Сверху я ничем не накрывался, так как было более чем тепло. Одной топки печи хватало на несколько дней. Каждое утро я просыпался, когда радио начинало играть гимн. За гимном следовали слова «В эфире пионерская зорька». Я думал, что Пионерская Зорька, это корова, потому что бабушкину корову тоже звали Зорька. Эта печка, среди прочего уберегла меня от серьезной болезни, которая могла настигнуть меня в один из зимних дней.

Большой пруд

За нашим огородом есть два пруда: маленький – прямо напротив, метров 50 диаметром, на дальнем берегу старая мельница, и большой, тоже за огородом, но чуть правее, метрах в 50 от нашего забора. Он имеет форму эллипса метров 300-400 в длину и 100-150 в ширину. Каждую весну большой пруд разливается, и вода заполняет пойму между прудами, так что она становится на какое-то время не проходимой. Но в данном случае, дело было зимой. Я гостил у бабушки в зимние каникулы, и делать особо было нечего. На льду большого пруда стояла и пыхтела грузовая полуторка, а за ней стайка мужиков, покуривая, травила свои байки. Они приехали за льдом для хранения молока со всеми причитающимися инструментами: бензопилами, баграми. Утром прошел легкий пушистый снежок, который покрывал лед тонким слоем. В понурые и короткие зимние дни любое выделяющееся событие привлекает пацанов, особенно таких активных, как я. Преодолев зимний огород, я ступил на лед пруда, чтобы поближе ознакомиться с деятельностью этого коллектива. Когда до машины оставалось метров 25, я провалился под лед. Оказывается, днем ранее, именно в этом месте они работали, и льда там, по сути, не было. Легкий снежок, который выпал утром, все замаскировал. Первое, что я почувствовал, оказавшись в холодной купели, что мне не хватает воздуха, и я не могу кричать. Те звуки, которые я издавал, были не слышны рабочим из-за работающей машины. Спас меня случай, ну или опять же божий промысел. С другой стороны пруда на лошади с бочкой за водой ехал колхозник. Он то и увидел меня и позвал рабочих. А дальше случилось необъяснимое. Мне тянули багор, чтобы я за него схватился, а я упорно не желал этого делать. В результате, рабочие, как-то изловчившись, вытащили меня за шиворот. Почему же я не воспользовался багром? Разгадка тут ведет в город Ростов. Этой же зимой, но чуть ранее, мы с мамой шли из центра города мимо гимназии (в то время СШ № 1). Тогда часть школьного сада от школы и до керосинки огораживал низенький, но массивный чугунный забор. В двухтысячные годы этот забор, как и все подобные заборы в городе, алкаши снесли в утиль. Так вот, какой то ребенок, видимо, дотронулся до забора языком в морозный день, и кончик языка остался на заборе. Мама мне показала на него и сказала, что если я буду до трогаться языком до забора, то у меня его отрежут. Очень быстро это непреложное правило я мысленно распространил и на другие свои части тела. Поэтому взяться за багор для меня было табу – отрежут руку! Сырой до нитки, но живой, я добрался до дома. Все остальные проблемы решила добрая русская печь. Я даже не заболел.

Вот так прошло мое дошкольное и младшее школьное детство у бабушки в селе Вошажниково.

Я, как ребенок, временно прощаюсь с ним, и вернусь сюда уже юношей.

Ростов

К семи годам мы перебрались из Вошажниково на постоянное место жительства в Ростов. Сначала снимали квартиры. Не помню, сколько их было, запомнилась одна, в доме на ул. Декабристов, на углу с улицей Окружной (сейчас этого дома нет). Хозяин был карлик, горбатый и маленького роста, ходил все время скрюченный. Отец за глаза его сильно ругал. Вообще у

папы была плохая привычка, он любил ругать за глаза, и это мне не нравилось. Где то через год-два мы перебрались в свою первую квартиру. Точнее это было общежитие музыкального пед. колледжа, где работал отец. Оно находилось на Советской площади, дом 8, на втором этаже. Вход был там, где теперь ресторан Славянский/Самовар. Это была одна комната, убранства ее я не помню. Только помню, что на все государственные праздники наше окно завешивали большим красным плакатом, и дома без включенной лампочки ничего не было видно. Здесь же, на втором этаже было и студенческое общежитие. С ним у меня связаны теплые воспоминания, но об этом позже. В общежитие мы прожили недолго и, наконец педагогам муз.пед. училища дали свои квартиры. Это было там же, только на первом этаже и вход под аркой здания, со двора. Комната была в типичной коммуналке: в общем коридоре стояли примусы⁴ и столики для приготовления пищи и по правой стороне коридора находились двери в комнаты жильцов. Нашими соседями был цвет ростовской музыкальной интеллигенции того времени: известный дирижёр Сергеев, его именем после смерти назовут ростовский симфонический оркестр. Он мне запомнился тем, что носил черные прямые усики а-ля Гитлер и часто «на скорую руку» ходил за пивом в синих обвисших трико, от пива он и умер (отказала печень). Сергеев прожил в этой коммуналке, по неизвестной нам причине, дольше всех нас. Другими нашими соседями были Лихтеры. Глава семьи Владимир Семенович преподавал в музыкальной школе сольфеджио. У него, потом, учились мы с сестрой Наташей. Так же Струлисы, их папа тоже был музыкант, его выделяли нервно бегающие глаза, возможно вследствие такой то травмы. Его старшая дочь Марина дружила с моей младшей сестрой. И еще там жила Семья Румянцевых (Дмитрий и Ксения Михайловна). Он был директором музыкальной школы, где совмещал отец, а она – преподавала фортепиано и мы с сестрой Наташей так же у нее учились. Румянцевы имели родственников в селе Вожажниково. Это известный в районе врач Валуев и его жена с редким отчеством Кузьминична. Валуевы имели самый большой в селе дом, как раз напротив больницы, огромный сад и, среди прочего, увлекались пчеловодством. Мне приходилось вместе с их сыном Сергеем наблюдать процедуру выкачки меда. Еще Кузьминична классно готовила пироги с вареньем. С этой семьей многое связывало и нашу маму. Вожажниковская больница была первым местом ее работы, куда она приехала после окончания медучилища, вслед за старшей сестрой Еленой. В Вожажникове же она познакомилась с папой и в этой больнице родила меня.

Наша квартира в Ростове состояла из одной комнаты на два окна. Гуляя по улице (2-й проезд Толстовской набережной), я ее находил по одному из окон, которое находилось на месте бывшей заложённой кирпичом двери. Из кирпичной кладки выступали деревянные косяки, по которым можно было это определить. В последствие, в 2013 году, работая директором ресторана Славянский (теперь Самовар), я нашел то место, где была наша комната, там в этот период была уже кухня ресторана. Прямо через дорогу от наших окон располагался Рождественский Девичий монастырь. Он и сейчас там. Только в то время это был не совсем монастырь, в его административном здании располагался детский садик, куда мне иногда приходилось водить сестренку. Сам я в то время ходил в детсад на углу Пролетарской и Окружной. Часто туда меня водила бабушка Аня, которая нянчила меня.

В Ростове жил и брат отца Аркадий. Его квартира находилась на улице Ленинской, на самой верхушке имеющейся там церкви, можно сказать под самым куполом. Я был внутри один раз, когда отец, после скандала с мамой, забрал меня и спрятал у брата. У Аркадия была прописка в этом храме и, многими годами позже, когда храм уже отошел РПЦ, я пытался помочь Аркадию получить другую квартиру в Ростове. Но, неожиданно, натолкнулся на сопротивление самого Аркадия. В то время он проживал в селе, в комнате, отделенной тонкой перегородкой, которую я описал в первой части этой повести, и, видимо, его или все устраивало, или, ему было уже все равно. Преодолевая сопротивление папиного брата, все же удалось добиться выделения ему квартиры в старом доме по улице Окружной. Дом, по сути, был без удобств. Это

было нарушением, и можно было судиться из-за этого. Но ответчиком в суде выступала районная администрация, где я в то время работал, и, по понятным причинам, я не мог судиться от лица Аркадия со своим работодателем, а он сам этого делать наотрез отказался и не подписал доверенность, чтобы это сделали другие люди. Вот такая получилась история. Так легко мы уступали государству свои квартиры. Но вернемся снова во времена детства.

Безумству юных поем мы песню...

Дом 8, под левой аркой которого был наш двор, не имел в своем составе мальчиков моего возраста и мне приходилось как то взаимодействовать с мальчишками другого двора, который был по соседству, под другой аркой дома. Рядом с этой аркой есть дверь. За ней жила семья моего главного врага Юры Борисова. С ним у меня была вялотекущая война, которая продолжалась все время, пока я жил в этом доме, да и после переезда на новую квартиру, что на улице Спартаковской. Юра, да еще его друг с Подозерки, по кличке Грека, доставляли мне постоянную головную боль в виде тумачков, сломанного велосипеда и т.п. Переехав на новую квартиру, я не отказался от борьбы и «нанимал» для набегов на Подозерку «кодлы» друзей, используя в качестве расчетной валюты те пятирублевки, которые нашел в ларце деда. Как говорится, безумству юных поем мы песню. В дополнение к этому так же скажу, что дедушкины крест и медаль у меня выпросил дядя Леня, бабушкин младший брат (что жил в Данилове). Теперь, видимо, ими владеют его потомки, которые к моему деду, по сути, не имеют никакого отношения. Не могу себе простить этого.

Христова заповедь – не укради!

Жизнь под аркой городского двора, конечно, была более разнообразная, чем конфликты с соседями. Мы активно осваивали территорию, что лежала вокруг. И первым местом притяжения было, конечно, студенческое общежитие, которое в то время находилось на втором этаже нашего здания. В центр нашего внимания попадали в первую очередь комнаты девочек. Не потому, что проснулось какое-то гендерное влечение, до этого еще было далеко. А по двум банальным причинам. Во-первых, если тебя поймут парни, но хороших тумачков не избежать. Во-вторых, в комнатах девочек много всего такого, чего нет у пацанов. Это духи, помада, лаки для ногтей, зеркальца. Словом много чего такого, что могло считаться солидной добычей. Попадали мы к ним в общагу через чердак. Спускались с чердака, когда они были на занятиях и воровали. Потом, уже у себя на дворе, рисовали помадой на стенах, духами поливали затылки. Словом, пожинали плоды удачного набега. От студенческой общаги мы сделали следующий шаг, ведущий, как теперь я понимаю, в пропасть. За нашим двором, в сторону озера, на валу, стояла церковь (Храм св. Николая Чудотворца). Это сейчас храм, а тогда в его здании было пекарное производство, и пекли вкусные пряники. На каком-то шаге этого пекарного процесса пряники, еще горячие и не покрытые глазурью, на противнях выставляли на широкие церковные подоконники, чтобы они остывали. Внизу, под окнами, на корточках сидели мы и ждали этого момента. Как только работники пекарни теряли бдительность, мы, помогая друг другу, подтягивались на окне, хватали пряников, сколько удастся, и убегали. Так было не раз и не два. Так, потихоньку мы превращались в заправских воришек. Для меня кульминация этого процесса наступила, когда я, гуляя по Подозерке⁵ и увидел оставленный без присмотра портфель с инструментом. Его хозяин готовил лодку к спуску на воду и, видимо, за чем-то пошел в дом. Этот портфель я своровал и спрятал в одном из сараев, которых в изобилии было на нашем дворе. Иногда я доставал его и рассматривал инструменты, которые там лежали. Не знаю, в какой момент это произошло, но появилось чувство большой опасности из-за этого инструмента. Я стал бояться, что произойдет что-то страшное из-за него. Эта тяжесть была невыносима. Вернуть инструмент на место я не мог – после всего сделанного, я как огня боялся подходить к этому дому. И я решился инструмент утопить. Для этого очень подходил вонючий ручей, протекающий между валов в нашем районе. В средние века это была река Пига, которая огибала крепостные валы. Теперь же это был вонючий ручей, в котором

мы ловили тритонов. Вот в нем я утопил инструмент и у меня отлегло. С воровством для меня было покончено раз и навсегда.

Друг

Пока я жил на Советской площади, был у меня друг солдат. К Советской площади примыкает большой торговый комплекс, который называется Гостиный двор. Он был построен, как торговый комплекс, но в советское время часть его, как раз примыкающая к площади, использовалась под воинские склады. Там постоянно дежурили солдаты-срочники, и с одним из которых я познакомился. Он оказался очень разговорчивым. Обычно мы сидели на каменной арке, свесив ноги, и разговаривали о жизни. У него так быстрее пролетало время, а я получал необходимую мне информацию. То есть мы нашли друг друга. А интересовало меня все, начиная от оружия, и, заканчивая устройством казармы и, конечно, мы говорили о танках и другой технике. Танков в воинской части не было, так как это была саперная часть, но солдат не упал в грязь лицом и я заслушивался его глубоким знанием дела. Для усиления эффекта он давал мне поддержать свой штык-нож, что не давало мне ни малейшего шанса сомневаться в правдивости его рассказов. Сказывался мой давний интерес к оружию, который я почерпнул из потрепанной книги, спрятанной на чердаке деревенской бани. Автоматов у солдат на этом посту не было, они вооружались только штык – ножами. Несколькоми годами позднее я убедился, как это было правильно. А случилось вот что. Воинские склады были не только в центре города, но и за городом, за железной дорогой, на, так называемой, химбазе. Охрану там нес караул из саперной части при полном боевом снаряжении (т.е. с автоматом). Часть находилась на подозерке. Каждая смена караула следовала на химбазу практически через весь город. И однажды случилась беда. К несчастью, на пути караульной смены оказалась группа девчат, которые стали поддразнивать солдат, и один из них решил напугать их, произведя, как он думал, холостой выстрел из автомата. Но выстрел получился настоящий. Девочка погибла. Что еще, что было удивительным, несмотря на то, что часть постов охранялась без огнестрельного оружия, в баню солдат водили в сопровождении часового, вооруженного автоматом. Так получалось, что мы с отцом, когда по субботам ходили в баню, постоянно пересекались там с воинской частью. Пока отец тестировал пиво в буфете на первом этаже, у меня находилось время протиснуться поближе к часовому и рассмотреть автомат. Это был классический АК-47.

С другим солдатом мы встречались, где то, в течение года. Потом он пропал, видимо демобилизовался.

Штурм

Ростовский Кремль – известная достопримечательность Золотого кольца. Его посещают многочисленные экскурсии со всей страны и не только. Однако к показу в советское время был открыт только музей, часть палат и небольшой отрезок стены. Большая же часть этого уникального сооружения хранила тайну неизвестности. Но только не для нас, мальчишек. Маршрут проникновения в кремль прорабатывался очень тщательно. К одной из башен кремля, прямо под звонницей, примыкало сооружение более поздней постройки, где в наше время делали железные пуговицы. Сейчас сложно представить, где эти пуговицы могли применять, но было так. К этому производству был наш давний интерес, так как его отходы, а именно, большие листы из тонкого железа с дырками от пуговиц, служили нам материалом для изготовления брони. Зачем пацанам была нужна броня, я думаю не надо объяснять. Справа от этой постройки стояли ворота, через которые попадаешь прямо к Успенскому собору с тыльной его стороны. Эти ворота есть и сегодня. Слева, сразу за воротами, стоял большой ларь с металлической стружкой, которая оставалась от производства пуговиц. Сам ларь был не очень высокий, в пол-стены производственной постройки. Итак, в назначенный день с помощью деревянных ящиков, которые в изобилии валялись по всем углам, мы забрались на ларь, поставив ящики друг на друга. Что это были за ящики? Это сейчас для транспортировки грузов применяют пластмассовую тару, а в то время это были ящики, сделанные из деревянных брусков, скреп-

ленных между собой тонкими металлическими лентами. Подтянув ящики на ларь, мы снова подставили их и оказались уже на крыше. С торца производственное помещение примыкало частично к башне, а частично к крепостной стене. Прodelав на крыше уже описанный прием с ящиками, мы оказались вровень с бойницами стены, и пролезть внутрь нам не составило большого труда. Наш труд и упорство были вознаграждены. Мы побывали на стенах со стороны озера и центра города, посетили смотровые площадки имеющихся там нескольких башен. Зрелище было неописуемое. К крепостным воротам, что смотрят на Советскую площадь, сбоку примыкает другое здание. Если встать на площади лицом к воротам, то оно справа, сразу за стеной. Вот чтобы туда попасть, нам пришлось потрудиться. Часть конструкции здания оказалась разрушенной изнутри, и мы двигались, перепрыгивая с одного куска стены на другой, что было очень опасно. Но кого в нашем возрасте останавливали опасности. Ничего такого, что можно было бы прихватить с собой, мы тогда не нашли. Остались только впечатления, а они бесценны.

Шпион

Живя, по сути, на берегу озера, мы всегда находили возможность покататься на лодке. Лодки были у многих моих друзей, была и у моего отца. Мы любили рыбачить с «дорожками». Это когда блесна на леске опускается за борт за движущейся лодкой, и другой ее конец цепляется за упругую проволоку, которая называется «строжком» и выполняет, по сути, функции поплавка. Получается такой спиннинг, который все время работает. Если строжок резко дернулся – значит, щука уже там. Если плавно прогнулся – значит, трава зацепилась, пора вытаскивать и очищать. Но не всегда мы занимались рыбалкой, иногда катались просто так. Интересно было это делать напротив городского парка, там ходило много веселой и шумной молодежи. Было на что посмотреть.

В тот день я и занимался как раз тем, что катался на лодке напротив парка. По берегу за парком находилась лодочная станция и рыбинспекция. Там можно было лодку взять в прокат. Так вот, как раз напротив этой лодочной станции со мной поравнялась лодка, на которой сидел взрослый мужчина, по акценту иностранец. Глядя на меня, он совершенно серьезно выдал такую речь. Дословно я уже не вспомню, но основные его мысли изложу:

Вы все помешаны на войне.

У вас у каждого пулемет.

Уже взрослым вспоминая этот случай, мне трудно поверить, что это было со мной. Или это был псих, или туристов перед поездкой в нашу страну так примитивно накачивали.

Но в то время у меня был только один вариант ответа на этот вопрос. Это шпион! Бодро взмахнув веслами, я быстро добрался до лодочной станции, оставил там лодку и, обогнув парк по дальнему периметру, чтобы «шпион» не проследил за мной, припустился в местный отдел милиции, что на Коммунальной 11, и появился там с криками «Шпион». «Задержите его»! Понятно, что меня успокоили и сказали, что со всем разберутся. Но, как я теперь понимаю, не разобрались, поскольку шпионы в нашей стране до сих пор не перевелись.

Мама

Мама была младшей девочкой в семье. Присматривала за ней и защищала старшая сестра Елена. Так за Леной мама и тянулась, везде была ее «хвостом». Поступила Лена в Ярославское мед. училище, мама тоже. В Ярославле часто приходилось пережидать бомбежки, но беда прошла мимо. Поехала Лена по распределению в с.Вошажниково Борисоглебского района, Варенька за ней. Обе работали в местной больнице и жили в доме, в 20 метрах от работы. Позднее Лена вышла замуж за Николая (Оттовича Мезиса) и мама осталась одна. Приходилось ей, в свои девичьи годы нелегко. Кроме необходимой работы по профессии, приходилось делать еще много чего еще. Так, девчонки медики вручную вырыли рядом с больницей пожарный пруд. Когда я был подростком, мы постоянно бегали на этот пруд купаться. Он был глубокий,

и мы смогли сделать трамплин (в виде длинной качающейся доски) и нырять с него, не боясь сломать себе шею. Уже в наше время, я заходил в фельдшерский пункт, который существует на месте этой больницы. Там на стене есть старое фото времен войны, и я нашел на нем свою маму.

Но вернемся опять в сороковые годы. Мама – молодая, красивая девушка. У нее (со слов отца) была самая тонкая талия из всех сельских девчонок. Ей интересуются парни.

Старшая сестра Елена, уже родила двух девочек и сына (Нину, Володю и, младшую, Эмилию), а мама все сидела в девках.

Вспоминает Эмилия, младшая дочь тети Елены: «Я любила бывать у Вари в больничном общежитии, у нее была небольшая комнатка, а готовила она на общей кухне. Однажды, она меня уговорила остаться у нее ночевать, мне было около трёх лет, Она накормила меня оладьями, а ночью я запросилась домой. Пришлось Варе на руках нести меня домой огородами».

И дождалась мама самого привлекательного кавалера из всей деревни, моего отца. Почему он был самый-самый? Потому что он был баянистом! А баянист (гармонист) в деревне, в условиях отсутствия других музыкальных утех (кроме балалайки), был первым парнем, и пользовался вниманием прекрасного пола. У папы на тот момент была другая девушка, но она решила получить высшее образование и уехала в Ленинград учиться. Такого парня, как мой папа (в условиях высокой востребованности), одного без присмотра оставлять было нельзя, и это было ее ошибкой. Так папа познакомился с мамой, и они оставались вместе долгие годы, пока смерть не разлучила их. Мама проводила его в армию, дождалась со службы и они сыграли свадьбу.

Вспоминает Эмилия: На свадьбе я была, мы были всей семьёй и бабушка Эмма тоже, я тоже сидела за столом.

В 1954 году появился я, а через 5 лет, моя сестра Наташа. Семья из деревни переехала в Ростов, где папа работал в музыкальном педагогическом училище и в музыкальной школе, а мама устроилась работать в школу фельдшером. Видимо, она еще в этот период работала в городской поликлинике (точно сказать не могу), так как некоторые пожилые врачи до сих пор помнят ее. В городе мы, бывало, ходили все семьей в концертный зал посмотреть, как папа выступает там с оркестром. Он дирижировал. Его коронным номером была пьеса «Рассвет на Москве-реке». Это о хорошем. Теперь о плохом.

В Ростове маму ждали тяжелые испытания. Папу часто привлекали, как баяниста, играть на различных торжественных мероприятиях (свадьбах, юбилеях) и, зачастую, там угощали спиртным. Он стал приходить домой выпивши. Каждый такой случай заканчивался скандалом, который, наверное, слышал весь дом. Мы с сестренкой ревели и прятались от их разборок под столом. Когда отец уходил, мы просили маму, чтобы она развелась с ним. Но она, не слушая нас, боролась с этой напастью. Помню, они даже летали, на самолете, куда-то в Сибирь, к какому то экстрасенсу. Но это помогло ненадолго, и все продолжалось по худшему сценарию. В результате, папа ушел из музыкального училища и, так же, у него начались проблемы и в музыкальной школе, хотя директор школы Дмитрий Румянцев, был нам почти родным человеком. Я подрастал и начал пытаться защищать мать. Два раза доходило до того, что я ударял отца (и потом убегал, конечно). Отец, при всех своих недостатках, мог скрутить любого мужика на дворе, что он часто и демонстрировал, находясь в подпитии. Потом у меня был десятый класс, и я поступил в военное училище. Я еще проходил курс молодого бойца (т.е не приступил к занятиям), как мама написала мне, что отец бросил выпивать. Я отнесся к этому с известной долей скепсиса, так как бросать он начинал много раз и все безуспешно. Тем не менее, на мою присягу, родители приехали всей семьей. И папа был трезв! Трезвым он оставался на всю свою жизнь. В этом году ему исполнилось 94 года. Я посчитал, во сколько лет он бросил выпивать. Ему было тогда 42 года. Конечно, это по жизни мне послужило примером. Опираясь на пример

отца, я в 1981 году бросил курить, а в 64 года и полностью выпивать. Правда, справедливости ради скажу, что в настоящее время я немного снизил планку требовательности, в компании могу себе позволить выпить немного сухого вина. Но сейчас разговор о маме. И в школьные годы и в период моей учебы в военном училище мама очень пристально наблюдала за мной. И это мне не всегда нравилось. Так с 6 по 10 класс я был очарован и влюблен. Мама поощряла эти отношения (я стал лучше учиться), приглашала мою девочку и ее подруг к нам домой. В курсантские годы, когда я в сентябре был в отпуске в Вошажникове, там в это время в совхозе работали студенты Ярославского пед. института. Я познакомился с одной из девочек, и мы дружили, без каких-либо поползновений на близость. Мама, прознав про это, предприняла вояж в Ярославль, чтобы узнать все про эту девочку. Такого бесцеремонного вмешательства в свою личную жизнь я стерпеть не мог, и мое отношение к маме на какое-то время заслонила обида. Я понял маму только тогда, когда у меня у самого появились дети. Забота матери сопровождала меня всю мою жизнь. Я служил в разных местах, в том числе и не всегда подходящих мне по климату (Туркмения, Азербайджан). Когда я болел, мама активно переписывалась с моей женой, Натальей, искала и присылала необходимые лекарства. Когда у меня были проблемы в семье, а такое тоже было, мама всегда находило что-то, за что я мог уцепиться и жить дальше. Такие они, наши матери.

В последние годы своей жизни мама болела, но старалась не досаждать никому своими проблемами. У нее сильно опухли ноги, что говорило о проблемах с сердцем. Иногда поутру просыпаясь, она тихо плакала, знала, что жить осталось не долго. Я, уезжая от нее, всегда крепко обнимал ее, как бы стараясь унести с собой ее тепло. Такой я и запомнил ее в последние годы жизни. За день до ее смерти я звонил ей, мы поговорили. Мама сказала, что работает на огороде. Была суббота, я подумал навестить ее, потом отбросил эту мысль. А утром позвонила сестра Наташа и сказала, что мама умерла. Было 14 июня 2010 года. Отпевали ее в сельской церкви. Священник мало сказал о ней. Самое главное, по его мнению, было то, что она вырастила хороших детей. Может в этом и состоит предназначение всех матерей. Хоронили ее на сельском кладбище 16 июня. Слез не было, на душе был камень. Прорвало меня через несколько дней, когда мы ужинали у тестя и заговорили про маму. У меня случилась истерика! Ей было 83 года.

Отец

С моего отца нужно брать пример огромной воли. Как он смог, когда уже все было потепляло, когда он стал уже, по сути, запойным пьяницей, и потерял работу, он смог остановиться на краю этой пропасти. В таких случаях пьяницы, обычно, вешались. Много случаев было по городу (в том числе и среди моих одноклассников), когда отцы семейства, не в силах избавиться от этой пагубной привычки, и, осознавая, какую беду они принести в семью, лезли в петлю. Отец же смог все переломить, и все начать с нуля. Об этом мой рассказ.

Родился папа 28 января 1930 года. Эта дата записана в свидетельстве о рождении. В действительности же датой рождения его нужно считать декабрь 1929 года. В детские годы папе многое пришлось пережить. Семью раскулачили. Рассказывает папа: «У нас была лошадь, две коровы и теленок, а так же другая живность: овцы, поросенок, куры. Когда раскулачивали – забрали лошадь, соль, мануфактуру, много чего еще забрали. Потом всем этим торговали в магазине, в Вошажникове. Мы ходили в конюшню кормить нашу лошадь, так как она стояла там голодная. Старуха, Катька Иванова, все ходила в магазин за нашей мануфактурой, там хорошие отрезки были. Как то увидела меня и, так ехидно, говорит: «Что не здороваешься, богатым, что ли стал?». Из-за этого меня и в комсомол не приняли».

Мудрая бабушка Аня, папина мама, оказывается, была очень дальновидным человеком, в этом я убеждаюсь не раз. Хотя кто из нас раньше всерьез воспринимал старую бабушку? В эпоху войн и революций, занижение возраста ребенка могло спасти его от призыва на войну.

Так и произошло. В военные годы папу привлекли на территориальные сборы, где подросткам предавали основы военной подготовки. И, если бы война продлилась еще год-два, он попал бы на фронт.

Однажды, папа вспоминал: «Где то в 1944 году всех мальчишек из нашего села собрали в деревне Кондаково (Борисоглебского района), что недалеко от Углича. Там с нами занимались долго, почти год, может больше. Из нас готовили кавалеристов и пулеметчиков. В Рождественской церкви – был штаб, а жили мы в частных домах, подселением. Иногда отпускали ненадолго домой. Если кто-то задерживался дома, то искали и наказывали. Отпустили нас только, когда закончилась война».

Еще до попадания на эти сборы, в первые годы войны, папа чудом не оказался в списке потерь. А дело было так. Немецкая авиация часто летала бомбить Ярославль, который уже в то время являлся крупным промышленным центром. Маршрут пролета немецких самолетов, как самый короткий, проходил как раз над нашим селом. В наше время, мы часто наблюдаем в небе инверсные следы пассажирских лайнеров – здесь проходит один из важнейших авиамаршрутов страны. А тогда здесь летали немцы. Через четверть часа после их пролета можно было наблюдать на востоке красные всполохи зарева. Ярославль. Потом немцы летели обратно. Сельские мальчишки старались забраться как можно выше, чтобы ближе увидеть эти страшные машины с крестами. Для этого они облюбовали колокольню храма, что стоит в центре села. Я уже не могу воспроизвести все подробности, почему это произошло. Возможно, немецкий летчик увидел движение на колокольне, или отблеск какого то металлического предмета (пряжки ремня и т.п.). Но один из самолетов спикировал на колокольню. Он не стрелял. Или немец до этого израсходовал весь боекомплект, или пожалел, видел что мальчишки. Напугал сильно. А мог убить.

Второе мудрое решение бабушки. Видя, что папа интересуется музыкой, она купила ему баян. Это была очень дорогая вещь. Приходилось экономить на всем. Таким образом, она мягко и ненавязчиво определила его жизненный путь, по которому он идет всю свою жизнь. В армии папа служил в войсках связи, он был высококлассным радистом и много мне рассказывал об интересных случаях, происходивших с ним во время службы, о своих друзьях: Жоре Щеголькове и др. О вредном старшине-хохле. В армии папа тоже, как баянист, привлекался на концерты, и, благодаря этому, не раз побывал в отпуске и навестил маму. Служил он в городах Ельце и Курске. На память о службе он привез с собой шикарный телеграфный ключ, который подарил мне. Может быть, благодаря этим рассказам отца, и этому ключу, я поступил в военное училище связи и стал радистом. Хотя, не только по этому. Обычно, отцы стремятся, чтобы сыновья шли по их стопам. Мой отец, здесь, не был исключением. Являясь музыкантом, он таки привил мне любовь к музыке. Еще ребенком я выступал с ним на сельских концертах и пел под баян. У меня была всего одна песня «Хотят ли русские войны». Моя маленькая сестренка, наслушавшись такого, всем рассказывала о «русских котятках». Во втором классе школы меня отдали в музыкалку, где я проучился до 8-го класса. Учиться хорошо по музыке было некогда, надо было пожинать плоды юности, и отца это сильно раздражало. На пианино передо мной ставили будильник, и час в день я должен был отыграть. Сестра следила за временем и, если я пытался соскочить раньше, закладывала меня. Еще хуже было, когда отец был дома, особенно если в подпитии. Любая неправильно нажатая нота влекла за собой прилет по рукам. Короче, папа перестарался. Любовь к музыке у меня осталась, но становиться музыкантом я расхотел. У папы появился последний шанс так достигнуть своей цели, и он решил отдать меня после 5-го класса в Московское суворовское военно-музыкальное училище. Там готовили дирижеров военных оркестров. Мне было некуда деваться, и я поехал, но, к счастью, завалил экзамен по математике (учился-то я тогда так себе). Но вернемся снова к проблемам отца, о которых я рассказал чуть ранее.

В относительно короткое время из-за пьянства папа лишился всего: работы, любви и уважения семьи. Как-то проходя домой из школы, я увидел, как он пьяный лежит и ворочается в луже. Я прошел мимо и не стал его поднимать. Наконец, наступил такой момент, когда я уехал в военное училище в Рязань. Я не знаю, как это произошло. Но отец вдруг бросил пить. Я спрашивал его потом, что вдруг его сподвигло, может, заболело что? Нет, говорит. А факты таковы: уйдя из музыкальной школы, отец бросил пить и устроился каменщиком на стройку. То есть фактически начал жизнь с нуля. Проработав некоторое время на стройке, он достиг высшего для каменщика (пятого) разряда. О нем стали писать городские газеты.

С отказом от вредной привычки стала налаживаться и жизнь. Папу вновь пригласили преподавать в музыкальную школу, и он согласился, и работал там до и после ухода на пенсию. Он стал очень старательно и ответственно относиться к семейному бюджету. Все семейные деньги были у него. Он кропотливо планировал все покупки, каждую неделю составлял на листочке план, что требуется приобрести. Денег стало хватать и на транспорт: он купил себе автомобиль «Москвич», затем внедорожник «Ниву» и т.д. Если папа распоряжался деньгами, то мама распоряжалась папой. Такое распределение ролей мне напомнило притчу о голове и шее. Папа был головой, а мама шеей. Голова смотрела туда, куда повернется шея. Как то так.

Когда мамы не стало, папа заскучал. В то время он жил в деревне Никифорцево, где Наташа имел шикарную (но очень дорогую в эксплуатации) усадьбу. Стали думать о переезде снова в Вошажниково. Папа ухватился за эту мысль. В Вошажникове стоял старый родительский дом, в котором уже, вследствие ветхости, было небезопасно жить. Теперь на этом месте стоит новый дом, который обходится значительно дешевле, и папа в нем почувствовал себя существенно лучше. Когда разбирали дом старый, имели в виду, что он полон всяких нераскрытых тайн (о них я расскажу позже). Там находили всякие интересные вещи и старые монеты, но тайны так и не были раскрыты. Какие же это тайны? Их три. Первая: дядя Леня, бабушкин брат, привез с фронта пистолет ТТ. В какой-то день, потеряв осторожность, мужчины решили на пруду пострелять уток. Поступок не остался незамеченным, приехала милиция. Пистолет они не нашли. С тех пор ничего не знаем о нем и мы. Вторая тайна: дедушку раскулачивали. О том, что его будут раскулачивать, он знал, а значит, скорее всего, самое ценное спрятал или зарыл. Тоже не нашли. И, наконец, у папиного брата, Аркадия, в конце жизни стала развиваться мания преследования. Ему стало казаться, что его хотят убить. А поскольку он был очень грамотным инженером, то начал кустарно изготавливать для себя различные миниатюрные пистолеты, типа «стреляющая ручка». Папа видел у него один такой. Этого тоже ничего не нашли. В азартном порыве раскрыть эти тайны, я нашел человека, у которого есть профессиональный металлоискатель. С его помощью он находил у себя на участке, в черте города Ростова, много старинных монет и других ценных вещей. Он был готов приехать к нам и поискать. Но в этом во всем был один существенный минус. Обнаруженные таким способом вещи **ТРЕБОВАЛОСЬ ВЫКАПЫВАТЬ**. Это и сыграло ключевую роль. Хозяйка дома и участка, моя сестра Наташа, сказала «Я перекапывать участок не дам». Действительно, там стриженный газон и посажены деревья. А тайны, ну их! Так и живем.

П.С. У этого очерка есть продолжение. Когда я переслал еще сырой его текст Эмили (дочке старшей маминой сестры), она мне ответила и, неожиданно для меня, раскрыла секрет, как папа бросил пить.

Пишет Эмилия: «А дело было так. Варя была в доме отдыха, Наташа приехала из Москвы, она поступила в институт, день был 2 августа (день рождения Наташи). Саша как всегда был в подпитии, расплакался, что ничего не может подарить Наташе, на что она ответила, что он может сделать ей подарок. Саша пообещал сделать всё, что она попросит. Наташа сказала – брось пить, это будет самым большим подарком. Саша сразу ничего не ответил, через несколько часов подошёл к Наташе и сказал, что он согласен, только она должна помочь – закрывать дверь снаружи, чтобы он не вышел

(у вас есть такой запор). Он бился 2 недели (может больше). Варя приехала из дома отдыха. Саша сказал, что больше не пьёт, она не поверила, но потом всё увидела сама. Вместе сходили к Румянцеву, Сашу восстановили в муз. школе. Больше спиртного он в рот не брал, я потом говорила с ним, как он это перенёс. Он сказал, что было очень тяжело, порой бился головой о стену, хотел всё прервать, но сдержался. Потом на моей работе, если кто говорил, что алкоголизм не вылечить, я всегда этот случай приводила в пример. Сильная воля и данное слово могут свернуть горы».

Школа и школьники

Наконец, 1 сентября 1962 года я пошел в школу. Помню этот день. Мама вела меня за ручку по дорожке, которая пролежала вдоль школьного сада. Он был через дорогу от школы. Наши дороги пересеклись с другой парой (мама и сыночек). По росту они были аномально маленькие и мама и сын, и жили, я потом узнал, на улице Достоевского, рядом со школой. Это был Володя Виноградов, хороший парень, хоть и не хватал звезд с неба. Мы с ним учились с 1 по 10 класс. Сейчас он жив, хотя здоровье не очень (сердце). Я иногда его вижу. Да, я не сказал, в первый класс я пошел уже из новой квартиры на улице Спартаковской, которую, наконец, по очереди получила наша семья. В этой квартире я живу и сейчас. Все, чем я разжился, находясь на военной службе, я оставил детям. А они далеко. А эту квартиру мне оставили родители. Мамы уже нет, а папа, 94-летний бодрячок, проживает в доме младшей сестры в селе Вожажниково Борисоглебского района. У него там отдельная комната. Но вернемся снова в 1962 год. Класс у нас получился дружный, но не без проблем. Как и в любом другом классе, у нас были свои звезды и свои хулиганы. Хулиганами я считал Толю Зайцева, Толю Каштанова. Они принадлежали к каким то уличным группировкам, и в школе с ними постоянно что-то случалось. Или они кого-то били, или их били. Каштанов курил и пускался с раннего детства во все тяжкие. Толю Зайцева, помню, подстерег в подъезде школы какой-то большой парень, далеко не ученик, и выбил ему передние зубы. Мне Толя запомнился тем, что хорошо играл в хоккей, пожалуй, лучше всех. В школе зимой у нас устраивались чемпионаты по хоккею с шайбой, и была своя коробка. Наш класс тоже выставял команду, но это было уже в классе 6-7. В команде кроме Толи был еще другой ас – Женя Ваганов. Я тоже был в составе команды, но не на первых ролях. А играть в хоккей я очень любил. Рядом с нашим домом есть маленький пруд. Это он сейчас кажется маленьким, а тогда это был большой пруд: на нем стояло двое ворот, и кипели хоккейные страсти. Хоккейный период длился от школы и до темна. Спасали коньки-сапожки, которые мне купили родители. Но все равно, по прибытию домой меня каждый раз ожидали две проблемы. Первая: я никак не мог повернуть замершими руками ключ замка. Вторая: когда я преодолевал первую проблему и садился на стул, чтобы снять коньки, после чего никак не мог встать. Хоккей, я считаю, привил мне выносливость, которая помогла мне справиться с трудными курсантскими буднями в военном училище.

Толю Каштанова и Толю Зайцева я не встречал после школы никогда. Скорее всего, их нет уже в живых. Такие ребята сгорают быстро.

Несколько слов о других одноклассниках и их судьбе.

Юра Калинин, пришел к нам не с первого класса (может быть оставался на второй год). Это был очень сильный мальчик, сейчас таких называют «качок». Он тоже принадлежал к какой то уличной группировке и я видел его в драке, когда он один смог остановить четверых. Юра в классе вел себя спокойно и уверенно, никого не задирали и мы его уважали. В классе он ухаживал за самой яркой «звездой», Олей Земсковой. Эту девочку можно было описать тремя словами из известного фильма: спортсменка, комсомолка и просто красавица. Но о ней я расскажу позже. Судьба Юры сложилась, я считаю, не очень хорошо. Он сидел. Я иногда его встречаю в городе в компаниях, которые идут выпить. Но пьяным я его никогда не видел. Он был неудачно женат на Наташе Рябинкиной, которая сейчас возглавляет Ростовский педагогический колледж. Получается, что он был где-то рядом с удачей, но она прошла мимо.

Вова Арбузов, тоже второгодник, запомнился различными скверными выходками. Я держался от него подальше и после школы ни разу не видел.

Саша Ржанухин, мальчик в целом не плохой, но что-то мы с ним не поделили. Постоянно между нами возникали какие-то непонятки, хотя до драки дело не доходило. Мы с друзьями дали ему презрительную кличку «Ржавый». Саша жил в другом квартале, недалеко от нас. Когда он учился во втором или третьем классе, у него повесился пьяница-отец. После школы, спустя какое то время Саша работал в горкоме партии или комсомола. Был женат на однокласснице. Умер рано, еще до того, как я вернулся в родной город после службы в армии.

Коля Кадыков, учился слабо, здоровьем тоже не блистал. Жил в двухэтажном деревянном доме на углу улиц Окружной и Достоевского. Этот дом в 2020 году снесли. Ушел от нас после девятого класса, и, не дожив, наверное, до 30 лет – умер от переохлаждения зимой, находясь в состоянии алкогольного опьянения.

Володя Бодулев, был моим другом. Я часто заходил к нему в гости, его дом был на улице Коммунальной, сразу за земляными валами⁷ на первом этаже. Это дом старой постройки, времен 17 века. Вместо первой ступеньки крыльца, на земле лежал деревянный ящик. Собственно крыльца то там и не было, сразу дверь. Мы с Володей ловили и коллекционировали тритонов из реки Пиги. Больше ничего вспомнить не могу, так как в одном классе мы были с ним не долго. Через какое то время он с родителями переехал в поселок Семибратово. Снова мы встретились уже в военном училище, когда попали в один взвод. Сейчас Володя проживает в городе Рязани. Порой, приезжая на родину, он заезжает и ко мне. У него целая свора внуков и внучат. Его жена, Марина, тоже местная, ростовская. Удивительная прекрасная женщина.

Женя Ваганов, к нам пришел не с первого класса, тоже, возможно, оставался на второй год. Был мальчиком развитым и сильным, хорошим хоккеистом. В коллективе держался свободно и независимо. Судя по повадкам, мог пойти по пути Толи Каштанова, но случилось по-иному. Когда я возвратился из армии в 1994 году, застал его следователем городского отдела милиции. По увольнению оттуда, он работал начальником охраны музея-заповедника Ростовский кремль. Может быть, работает и сейчас, я давно его не видел. Вот такая у людей судьба. Можешь ты быть отличником и умереть под забором, или хулиганом, но при этом, стать приличным человеком.

Толя Пятницкий, о нем я знаю очень мало. Он жил не далеко от меня, в том же квартале, что и Саша Ржанухин. Его младшая сестра училась в одном классе с моей сестрой Наташей. Толя учился хорошо, в классе был незаметен, ничем не выделялся. Ухаживал за самой видной девочкой, Олей Земсковой, пока она не променяла его на Юру Калинина. После школы пропал из моего поля зрения. Я слышал, что он работал в электросети.

Володя Шокель. Я не помню, был ли он со мной в первом классе. Но откуда-то его я очень хорошо знаю. Он жил на улице Пушкинской и у него был старший брат. Одноэтажный деревянный дом, в котором жил Володя, стоит там до сих пор, и в нем кто то живет. В то время улица Пушкинская, была местом прописки одной их самых токсичных молодежных группировок, и его брат был известным в тех кругах человеком.

Следует сказать, что в мои школьные годы весь город был условно разбит на районы, где орудовали молодежные группировки. Их целью были не грабеж или разбой, а банально – раздел территории и доминирование. Если ты, относя себя, к какой то группировке, попал не на свою территорию, то добра не жди, особенно если ты известная фигура. Массовые драки (выяснение отношений) между группировками обычно происходили в городском парке, по субботам, когда там были танцы. Наш двор тоже входил в группировку, которая назвалась «Станция», но она была не большой и не активной. Поэтому я мог в различное время, относительно безопасно находиться в любых местах нашего города.

С Володей Шокелем, так же как и с Володей Бодулевым, судьба свела меня вновь в Рязанском военном училище. Только Шокель попал в 6-ю роту (а я был в 4-й), и мы виделись очень

редко. Он рано оставил службу и, когда я вернулся в родной город, он там таксовал. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились с ним еще раз, и при довольно интересных обстоятельствах. Первым моим местом работы после увольнения из армии, была районная администрация, а именно комиссия по делам несовершеннолетних. Иногда, вместе с сотрудниками милиции, мы проводили рейды по проблемным местам. И вот, во время одного из таких рейдов, к нам поступает сигнал, что в одном из домов, муж при детях избивает жену. Мы быстро прибыли на место, и!!! Этим хулиганом оказался Володя Шокель. С большим трудом мне удалось уговорить коллег не составлять протокол. С тех пор я не ищу встречи с ним.

Валера Ефимов, с нами не с первого класса. Он пришел к нам во втором или третьем классе. Холеный, полный, веселый мальчик. Он мне запомнился тем, что особым, только ему доступным образом, открывал классную дверь. Выглядело это так. Он выдохом подбирал живот и подходил вплотную к двери. Затем живот отпускал, и кинетической энергии высвобождения его массы хватало на то, чтобы дверь открывалась. Вновь встретил Валеру, когда вернулся из армии. Слышал, что он служил прапорщиком. У него свой дом на улице Революции. Иногда вижу его, когда он, загруженный веслами и снастями, проходит в сторону озера.

Саша Куприянов, ничем особым не выделялся. Учился он средне, ни шатко, ни валко. Да и я, честно скажу, тоже в начальных классах был троечником. Учиться хорошо я стал гораздо позже, когда меня посетила первая любовь. В компании с Сашей у меня случился курьезный случай. В период подготовки к выпускным экзаменам, мы находились и готовились дома. И именно в этот период, непонятно с какой стати, мы решили с ним сходить в баню. Все было бы хорошо, если бы Саша не прихватил с собой бутылку красного вина. Это было крепленое вино, или кагор или вермут, я сейчас уже и не скажу. К тому времени я крепленое вино не знал. Раз или два, на днях рождения, куда меня приглашали одноклассники, мне удавалось попробовать сухое вино. К вину я, в то время, имел очень специфическое и негативное отношение, так как отец у меня пил, как, впрочем, и все отцы моих друзей. Так вот, мы выпили эту бутылку из горлышка, на двоих. Я не помню, как я после этого себя чувствовал, но в бане мне стало плохо. Причина этого кроется не только в спиртном. Готовясь к экзаменам, я целый день был голодный, а в этом возрасте организм быстро растет, и ему требуется много жиров, белков и углеводов. Опишу сам момент приступа. В бане были вмонтированы в пол на железных ножках столы из камня (возможно, какие то прессованные плиты из каменной крошки, потому что внутри просматривались отдельные камушки, черные, белые и т.п.). Чтобы разместиться на таком столе, необходимо было сначала окатить его кипятком, чтобы очистить. На столбах, по центру зала, были выведены по два крана на каждом, для горячей и холодной воды. У дальней стены, рядом с входной дверью, стоял ряд открытых кабин с душем. И у кранов и у душевых кабин выстраивались очереди, так как народу в тот день было много. Итак, сижу я на таком столе, рядом тазик с водой, мыло, мочалка. Вдруг перед глазами все стало темнеть, не хватало кислорода. Спасеньем виделся холодный душ, и я быстро пошел туда. У душа стояла очередь, и я пристроился к ней. Наконец, стою у душа первым, а там моется молодой мужчина, старше меня. Он смотрит на меня и, глядя как я учащенно дышу, спрашивает: «Парень, ты что спортсмен?». Это были последние слова, которые я услышал. Я упал в душ, к нему на руки. Накажите своим детям-подросткам, не надо пить перед экзаменом натошак! Саша Куприянов прожил не долго, он умер вторым, после Коли Кадыкова.

Валера Гурьев. Он был и остается моим большим другом. В классе он сидел обычно на «камчатке» и плохо слушал преподавателей. В спортзале он выглядел нелепо и смешно. При игре в баскетбол, он бил мяч, как палками, своими прямыми, негнушимися руками и это вызывало смех. На уроках, в его тетрадях и на обрывках бумаги, которые в изобилии плодились вокруг него, мы находили карикатуры на нас и на учителей. Так, незаметно, на школьной скамье, рождалась творческая натура. Кроме того, мы с Валерой были немножко хулиганы. Как то он принес в школу капсулы от охотничьих патронов. Я не знаю, откуда это было у него, может

отец был охотником. И мы, используя эти капсулы, провели большую творческую работу по изготовлению бомб. Этим бомб было не одна и не две.

Не для детей, раскрою сам процесс изготовления. Капсюль, с помощью маленького пластилинового шарика соединялся с острым концом гвоздя (сотки). Далее этот детонатор помещался в пластилиновую ванночку, наполненную чернилами. Ванночка сверху закупоривалась так, чтобы снаружи оставалась часть гвоздя со шляпкой. Все, снаряд готов. Запуск его производился следующим образом: проходя по лестнице на втором этаже, мы опускали его в лестничный проем, и он взрывался где то внизу. Последствий мы видеть, естественно, не могли, но обычно слышали реакцию, которую не могу передать вам цензурными словами.

Валера, впоследствии закончил Федоскинскую школу миниатюрной живописи (под Москвой) и стал художником. Он долго работал на местной художественной фабрике «Финифть», а в настоящее время пишет иконы. В мои курсантские годы, когда я в отпуске проезжал через Москву, то посещал и школу живописи и воинскую часть, в которой ему пришлось служить. Эта была пожарная часть в самой Москве. Ее командир, старший лейтенант, принял меня, курсанта, очень тепло. Первое, что он сделал, это отвел меня в столовую, которая больше походила на домашнюю: маленькие столы на четверых, по стенам картины, и накормил меня прекрасным обедом. В память очень запахла каша, которая плавала в сливочном масле. Затем командир отпустил Валеру на целый день в увольнение, так что он смог проводить меня на поезд. Про Валеру мой рассказ не закончен, я продолжу его в следующих главах.

Наташа Мальгина. Была девочкой тихой и прилежной. Она переехала из нашего города в Рязань где то в классе восьмом или девятом. Но ее связь с нашим классом не прерывалась. Наверное, мы писали друг другу письма. Иначе откуда я узнал ее рязанский адрес. А он мне пригодился. Уже находясь в военном училище, видимо на первом курсе, мы с моим одноклассником, Лешей Грабаревым, зашли к ней в гости. Помню, мы сидели за столом. Не знаю, откуда там взялась бутылка мадеры (или крымского хереса). К концу нашей встречи на столе уже все было съедено и бутылка выпита. Леша спросил меня, сколько капель осталось в бутылке? Я не знал. Он утверждал, что более 100. Далее в течение получаса он выкапывал из этой бутылки по капле все эти 100 капель, и выиграл.

Сейчас он живет в Калининграде. Чувствует себя не очень (сердце). А Наташа уже и не Мальгина, и не знаю где она теперь. Здоровья ей.

Люда Ошанова. Это была собранная и волевая девочка, отличница с большим запасом. Все ей удавалось и все у нее получалось. Она заплетала свои шикарные волосы соломенного цвета в большую толстую косу. Если бы я тогда понимал что-нибудь в женщинах, это бы меня сразило наповал, но, увы. Мама ее тоже работала в нашей школе учителем. Какое то время я сидел с ней за одной партой, и, честно скажу, мне доставалось. Но это был как раз такой случай, когда хороший старт не подразумевал хорошего конца. После школы Люда вышла замуж за Игоря Грудцына. Это был крупный парень из параллельного класса. Он рано умер. После этого, через какое-то время, умер ее ребенок. И Люда сломалась. Она работала в это время завхозом в сельскохозяйственном техникуме. Она стала пить и быстро встретила со своими близкими.

Оля Земскова. Это была самая красивая и самая спортивная девочка не только в классе, но и, пожалуй, в параллели. Она, кроме всего прочего, посещала спортивную школу, отчего ее фигура, раньше, чем у других девочек стала приобретать привлекательные формы. В спортзале она творила чудеса. Не скажу, крутила ли она «солнце» на турнике, но точно легко и с блеском выполняла любое упражнение. И Оля знала себе цену. Просто так к ней «на хромой кобыле» было не подъехать. Она была замужем. Долго работала тренером в спортшколе. Сейчас работает учителем физкультуры в колледже отраслевых технологий, где до недавнего времени работал и я. Из школы, она пронесла по жизни свой железный характер и бескомпромиссную требовательность. Может это и помешало ей быть счастливой в браке.

Надя Секиотова. Это была тоненькая, хрупкая и смазливая девочка. Она первая из девочек, на кого я обратил свое внимание. На школьном бале, который устроили нам по окончании начальной школы, я захотел пригласить ее на танец. Меня отговорила мама, сказала, что эта девочка плакса (родители на этом балу тоже присутствовали с нами). Видимо мама знала нечто большее, чем могла мне сказать. Скорее всего, у этой девочки была плохая генетика по родителям, так как через некоторое время после школы она загуляла и спилась, затем ослепла. Незадолго до ее смерти, я последний раз видел ее, проходя мимо с работы. Она сидела на пороге своего дома и смотрела потухшими глазами на солнце. Пусть земля ей будет пухом.

Люда Шепугина. Эта девочка заняла в моей жизни важное место. Она была стройная, красива. Лицо ее своими правильными чертами напоминало деву Марию, что на иконе. Пройти мимо такого сокровища было невозможно, поэтому я начал ухаживать за ней, писать ей записки, на что она иногда отвечала взаимностью. Но был у меня очень сильный соперник в этой борьбе за даму. Это Саша Шумяцкий. О нем я более подробно расскажу ниже. Он был умница, круглый отличник. Я же троечник. Тем не менее девочка не отдавала предпочтение кому то из нас, обоих приглашала к себе на дни рождения, и держалась с нами ровно. Мы были для нее просто друзьями. Не знаю, чем бы закончилась эта дружба, но в шестом классе я влюбился, и Люда перестала для меня существовать. После школы она еще где-то училась, не знаю. Потом вышла замуж за военного и с ним ездила по стране, пока не вернулась на родину. У них много детей, и они уже взрослые. С мужем они живут в том же самом месте, кое в школьные годы посещали и мы с Сашей. Она любит и выращивает цветы. Ее мама тоже, пока была жива, торговала цветами.

Саша Шумяцкий. Наверное, самый способный ученик из класса. Получал только отличные оценки и заслуженно. Мама его работала в нашей школе, преподавала английский и была классным руководителем у моей сестры. Физической силой он не выделялся, да она ему оказалась и не нужна. После школы и дальнейшей учебы, он осел где то в Москве, в научных кругах. Ну что же, по его уму и результат. В своем соперничестве со мной относительно Люды, он брал авторитетом, а я был более развит и сильнее. Но до рукоприкладства дело у нас не доходило, мы учились толерантности через терпение. И первым, не вытерпел я. У меня случилась любовь, которая изменила всю мою жизнь.

Ольга Дмитриева. Светлая девочка, и по цвету волос и по лицу. Училась она хорошо. Была ненавязчива и доброжелательна, не лезла в лидеры. Кто-то мне потом говорил, что я ей нравился. Но я этого уже не замечал, так как сгорал от любви к другой. После школы и окончания медицинского, она работала в районной больнице. Была замужем за Володией Козловым, работником прокуратуры. Угасала тихо от онкологии. Когда хоронили нашу последнюю классную, Капитолину Петровну, Оля сказала «Следующая буду я» и не ошиблась.

Я, конечно, перечислил не всех ребят, с кем свели меня школьные годы. Остались за кадром Вера Машинина, Надя Нестерова, Вера Путина, Надя Хрунова, Ира Куликова, Валера Тяготин, Ира Виноградова и многие другие девчонки и мальчишки. Все они хорошие друзья и достойные люди. Но никаких интересных историй, связанных с ними, я в настоящий момент вспомнить не могу, а придумывать небылицы не желаю.

Нашим первым классным руководителем и второй мамой по совместительству была очаровательная молодая женщина, Шубина Екатерина Васильевна. Мы были очень привязаны к ней. Екатерина Васильевна доучила нас до пятого класса и, выпустив, уехала в город Читу. Возможно, она была замужем за военным, и их туда направили к новому месту службы. О ее теплых отношениях с классом свидетельствуют письма, которые она писала нам. Я запомнил обратный адрес, который был на одном из конвертов: Чита 7, Озерная 3.

Спасибо тебе, Екатерина Васильевна!

Капа Ягодка

Все, наконец я перешагнул порог начальной школы. Теперь уроки ведут разные учителя. У нас много параллельных классов от А до Е., и новая классная, Гуськова Капитолина Петровна. Она показалась очень строгой, но очень скоро мы поняли, что это добрейшей души человек. Учителями не становятся, ими рождаются. Она знала подноготную каждого из нас, и к каждому находила свой подход. Поэтому в классе врагов у нее было, ее любили все, без исключения, и отличники и хулиганы. Как то, она совершила косметическую ошибку – неудачно окрасилась, и, поскольку, на работу, по определению, она опоздать не могла, произошло ее явление в прическе красно-розового цвета. Видимо тогда, кто-то и подметил этот шедевр острым словом «Капа Ягодка». И это приклеилось к ней на всю жизнь. Так мы ее, конечно, называли за глаза. Она сумела сделать из нас команду. В классе не было неправильных (как говорят в армии, неуставных) взаимоотношений. Мы все дружили и были у нас общие дела, например хоккейные чемпионаты. Так же, мы были сильно заточены на победу в школьном турнире КВЛ (клуб веселых и любознательных, аналог КВН).

Не могу здесь не упомянуть, что Капа очень любила меня, и часто говорила обо мне лестные слова моей матери. Этим, может быть, она добавляла мне силы, чтобы идти дальше, преодолевая возникающие трудности. Так, у нас сформировался дружный коллектив класса, с Капой, конечно, во главе, и этот коллектив не распался после окончания школы. Каждый раз, на вечере встречи выпускников, и не только, мы собирались классом (кто был в городе), и она всегда была с нами. Она умерла, где то, в двухтысячных, когда мылась в ванной. Ее провожал весь класс, и, тогда еще живая, Ольга Дмитриева (Козлова).

Коммерсанты – неудачники

Как я уже писал, в классе у меня был хороший друг, Валера Гурылев. Дружба с ним не ограничивалась школьным временем. Порой мы гостили друг у друга дома, играли, вместе учили уроки. У Валеры с детства была коммерческая жилка и мы, посоветовавшись, решили ее развивать дальше, используя имеющиеся у Валеры навыки и таланты. Как я уже писал ранее, ему хорошо удавалось воссоздавать различные образы. В то время, да и сейчас, наш город является одним из центров миниатюрной живописи. Наши художники пишут свои работы на финифти, закаляют их, и такие изделия становятся вечными. Нечто подобное решили изобразить и мы. Но, поскольку для производства финифти у нас ничего не было, мы использовали другой материал для написания миниатюр. Патефонная пластинка была распилена на ровные прямоугольнички, размером со спичечный коробок, которые были начищены до блеска, а края зашкурены. И над ними начал работать «большой мастер живописи». Масляные краски у Валеры были, как, впрочем, и кисти, видимо он раньше что то писал. На труды ушла неделя. Наконец, на одной из плашек Валера написал картину (кажется это был ангел), залачил, и мы решили, времени не тратя даром, ее продать. Местные художники обычно торгуют у кремля, где много туристов и шансы реализации выше. Туда мы и отправились. Рядом с художниками мы стоять не стали, стесняясь показывать наш шедевр, а отправились к противоположным воротам кремля, где людей меньше, но и меньше ненужного внимания. Безрезультатно потеряв там пару часов, мы впали в отчаяние, из которого нас вывел сторож, который прогнал нас. Как говорят, первый блин – комом.

Жизнь II. Всепоглощающая любовь (01.09.1967-31.07.1972)

Мальчишки нашего двора

Как я уже писал, наша семья получила квартиру на улице Спартаковской, в двухэтажном каменном доме. Это была небольшая двухкомнатная «хрущевка» на первом этаже (две комнаты: гостиная и спальня). Отапливалась квартира двумя угольными печами. Одна из них стояла на кухне, другая между комнатами, топка, при этом, была со стороны большой комнаты. Позднее, после того, как наша семья угорела от комнатной печи⁸, отец избавился от них, заменив водяным отоплением. Рядом с нашим домом стояло несколько таких же двухэтажных домов, которые, собственно, и составляли двор. На дворе, как и принято было тогда,

сформировалась компания пацанов, которая входила в более крупную группировку, которая называлась «Станция» (из-за близости ж/д вокзала). Она была достаточно пассивной, и, если в каких то разборках и участвовала, то нас не привлекала. Наш двор жил своей спокойной жизнью. Летом мы играли в футбол на поле у школы, зимой в хоккей (без коньков – на проезжей дороге, с коньками – на пруду) и, конечно, слушали дядю Гошу, который жил в крайнем от дороги доме. Дядя Гоша когда то «мотал срок», и теперь охотно озвучивал мальчишкам шедевры тюремной эстрады, используя для этого свой хриплый (как у всех алкоголиков) голос и выдающую виды гитару. Обычно мы собирались на верхнем переходе двухэтажного деревянного сарая, что стоял напротив дома, и, сидя на хлипком дощатом полу, свешивали ноги вниз и слушали его песни. Гоша был любимцем двора до тех пор, пока случай не сделал его посмешищем. Однажды, он легкомысленно употребил неизвестный спиртосодержащий раствор (говорили, политуру) и почернел, как негр. С этого дня над ним стали больше шутить и тралить, чем слушать его песни. Так низвергаются авторитеты.

На дворе жило больше мальчишек, чем девочек. В моем подъезде, этажом выше, Валентин, мой ровесник. В другом подъезде Коля Романенко по улочке «Романэ», там же Женя Колобов («Колобок») и девочка, ровесница и подруга моей сестры, Наташа Иршонкова. Она часто приходила к нам в гости, и сестра как то, по большому секрету, выболтала, что Наташа была в меня влюблена. Только я в то время таких «сикух» не замечал. В соседнем доме, что в сторону вокзала, жил Юра Мальгин, по прозвищу «Сосиска». Такое обидное прозвище он получил за свой вечно красный нос, под которым поблескивали наливающиеся сопли. В доме с другой стороны, что к центру города, жил Саша Сорокин, по кличке «Панчик». Обычно, мы гуляли по вечерам вчетвером: Валентин, я, «Колобок» и «Панчик». В период моего обучения в военном училище «Панчик» умер. «Романэ» был старше нас, носил патлы а-ля Битлз, и как проводил время, я не знаю. Мы встречались только на футболе или хоккее. Когда я возвратился из армии, тоже не застал его в живых. Часто, когда мы играли на проезжей части дороги в хоккей, к нам присоединялся Валера Балмасов. Он был старше нас и жил в желтом двухэтажном доме, что напротив, сразу за дорогой. В более позднем возрасте Валера играл на ударнике в известном в городе ВИА «ЛАД», и в парке на танцах. Умер он 9 мая, где то в двухтысячных годах. Во время праздничной церемонии у него отказало сердце.

Валентин

Валентин, так же, как и Валерий, был моим большим и верным другом. Он жил, в нашем подъезде на втором этаже и мы проводили с ним много времени вместе. Если с Валерой мы общались по каким-то конкретным делам, то с Валентином меня связывала повседневная жизнь. Мы вместе ходили в школу, по вечерам – гуляли одной компанией. У него был друг, Коля Шишин, который тоже к нам иногда присоединялся. У Валентина была младшая сестра, Ира. Тихоня. По возрасту, она младше моей сестрёнки. Её не было видно. Где она бывает и чем занимается, мы не знали. Сейчас она замужем, имеет дочку и профессионально занимается животными. Валентин же, увлекался, птицами. У него была клетка-ловушка, и он ходил с ней на охоту, на территорию питомника, который был в паре кварталов от нас. Однажды, он поймал щегла и очень этим гордился. Вечерами, в свободное время, мы с Валентином любили слушать музыку, которую транслировали различные радиостанции (у него был хороший радиоприемник). Особенно, нас интересовал рок, который, в то время, иногда пробивался из-под сильных помех (западные радиостанции глушили). В целом, это была хорошая музыка, и она нам нравилась. Мы слушали такие радиостанции как, Голос Америки, Немецкая волна, Свобода. Мы не всегда понимали смысл их передач, но, всё равно, постепенно у нас, как и у других мальчишек и девчонок сформировался «светлый» образ западной демократии. Этот образ позволил много лет спустя, похоронить прекрасный и добрый, Советский Союз. Потом, на просторы страны прорвались Beatles. Мы доставали и коллекционировали их хиты. Особенной удачей было купить где-нибудь их оригинальный грампластинный диск. Больше всех из нас в этом кол-

лекционировании преуспел Жене Колобов («Колобок»). У него было много дисков и магнитофонных плёнок с различными альбомами этой группы. Мы с Валентином часто приходили к нему слушать их. Помню, он крутил нам последний альбом, который ему удалось достать, он назывался Abbey Road. Должное внимание мы с Валентином уделяли и своему физическому развитию. У нас были гантели, мы качали мышцы. Как то он достал боксёрские перчатки. Мы боксировали с ним на втором этаже двухэтажных каменных сараев. По силе мы с ним были, примерно, равны, но я считаю, что он был храбрее, так как, в многих случаях, он выручал меня, и стоял рядом во времена некоторых пацанских разборок, о которых я, возможно, напишу позднее. А еще, у всех у нас были аквариумы и рыбки. Опять же, у Жени Колобова, и аквариум был больше, и рыбки были разнообразнее. У него был мраморный гурами, много меченосцев, жёлтого и оранжевого цвета. У нас же, в основном, гупии. Лишь иногда в наши аквариумы попадали редкие дорогие рыбки. Дело в том, что семьи наши, жили не очень богато, и денег на это развлечение не тратили. Кроме того, как я уже писал, наши отцы пили. Как-то раз, зайдя к Валентину, я чуть не поймал головой тарелку, которую запустил в него отец. Так что в отношении отцов мы с Валентином были полностью солидарны. Отец его был крупным мужчиной и часто ходил в матросской тельняшке, наверное, когда-то служил во флоте. Мама же, маленькая и хрупкая женщина, с виду похожая на цыганку, прожила долго и умерла в 2023 году. С отцом она развелась еще в наши школьные годы. Будучи курсантом военного училища, я заезжал к Валентину в город Иваново, где он учился в школе гражданской авиации. Женился Валентин на своей однокласснице. У них родился сын, Михаил. Возможно, он получил своё имя в честь меня. К сожалению, их семейное счастье продлилось недолго. Жена Валентина умерла из-за травмы, которую получила однажды весной, поскользнувшись на льду. У неё опухла стопа, и она ушла на больничный. Когда опухоль спала, и она собралась выходить на работу, оторвался тромб. На его похоронах, на поминках я напился. Сейчас сын Валентина работает в Москве, он бизнесмен и хорошо зарабатывает. Валентин же, женился во второй раз. Он проживает в моём городе, и мы часто встречаемся. Он увлекается рыбалкой, зимой занимаются подлёдным ловом.

Наташа

Так получилось, что Валентин, сыграл в моей жизни, более значимую роль, чем даже сам смог предположить. В его в классе училась компания классных девчат. И в одну из них, Наташу, он был влюблён. В то же время, насколько я понял, отклика на свои чувства он не получал. Наташа никогда не встречалась с ним одна, а только в компании своих подруг. Девочки подтрунивали над ним. Он же, не находя слов ответить, впадал в ступор, так что не мог «промычать» ничего внятного. Девочек было четверо: двойняшки Наташа и Галя Грамматиковы, Люда Корзова и Нина Котова. Особенно вредной и ехидной была Нина (Сейчас она за мужем, и от нее страдает Коля Горнич). Нина, буквально, доводила парня до истерики. Однажды Валентину пришла идея, взять с собой меня. Может быть, я, с его точки зрения, выглядел более красноречивым, и смог бы ему помочь. Это была ошибка, так как в итоге, я оказался в этой «крепости» «Троянским конем».

Поначалу все шло, как Валентин и задумал. Я взял на себя нейтрализацию острой на язык Нины, а он старался быть ближе к своей любимой. Но что-то пошло не так. Однажды девочки позвонили мне и сказали, чтобы я приходил гулять один, без Валентина, и что Наташа хочет дружить именно со мной. Скрыть такое от него я не мог, и все рассказал. Он, конечно, был не в восторге, но, судя по его дальнейшей реакции, что-то такое он, видимо, предполагал. И Валентин поступил как настоящий Дон Кихот, он сказал: «Пусть будет по-твоему, но если ты ее бросишь, я набью тебе морду». Забегая вперед скажу, что бить мне морду ему не пришлось, так как очень быстро я так полюбил эту девочку, что она оставалась в моем сердце, пока не бросила меня. А это случилось не скоро, через десять лет после нашего знакомства. Я тогда учился на втором курсе военного училища, а она в Московском институте инженеров транспорта. И она

прислала мне письмо, в котором, среди прочего, написала, что у нее появился хороший друг (из числа мальчиков-студентов). Это был намек. Я старался отмахнуться от очевидного, и, в течение двух лет, убеждал себя в том, что ничего страшного не произошло. Но случилось так, как случилось. В отпуск (по окончании института) она привезла этого парня в дом к родителям. Это был конец. Я старался увидеть ее, но она меня старательно избегала.

Я, употребив напиток для храбрости, решил взять ее измором, и разместился на ступеньках лестницы ее дома. Ко мне вышла ее сестра Галя. Она проводила меня до дома. Я начал нести какую-то чушь, типа «Галя, выходи за меня замуж». Галя была девочка умная, она мне ответила: «Это не имеет смысла, потому что ты все равно будешь любить только ее». И она была, конечно, права. Я убыл к своему первому месту службы (в Германию) один, А Наташа вышла замуж, получила фамилию Завьялова и уехала в город Тюмень. Никаких следов от нее в городе не осталось, хотя я временами пытался найти ее через различные мессенджеры. Я тогда, в порыве отчаяния, разорвал все ее фотографии, которые были под рукой, а теперь жалею. Как бы все ни кончилось, но с этой девочкой были связаны одни из лучших в моей жизни дней (10 лет). Уже после армии судьба однажды свела меня с ее сестрой Галей, она приезжала навестить мать. Мы с Валентином были у нее дома, пили чай и смотрели фотографии. Галя выглядела очень молодо, казалось, совсем не изменилась. А вот Наташа, на фото казалась осунувшейся, постаревшей. Может быть, ее семейная жизнь была не столь безоблачной. В 2023 году стали ходить слухи, что Галя умерла от ковида.

Уточнить эти слухи я не мог, так как Галя жила или живет (я надеюсь) где то под Питером, а ее родителей давно уже нет. Буду надеяться на лучшее.

Но открутим колесо времени снова назад. Итак, в компании девчонок я ходил не долго. Скоро мы стали гулять с Наташей вдвоем. И я влюбился. В эту девочку нельзя было не влюбиться. Она была само совершенство: правильные черты лица, удивительно стройная фигура, трепетный носик. Каждое ее движение доставляло мне невероятное блаженство. Она была умна. Любое прикосновение к ее руке заставляло бешено колотиться мое сердечко. Наташа была богиней для меня в прямом смысле этого слова. Благодаря ей, закончив шестой класс на тройки, я резко рванул вверх по успеваемости, и, завершил обучение с 4,5 баллами в аттестате. Душа моя пела от счастья, и просила стихов.

Есенин и я

Итак, душа моя пела и просила, как то, отразить это мое чудесное состояние, лучше в стихах. Я не захотел писать какую-то ерунду, какую обычно пишут влюбленные, у которых в голове ничего, кроме тестостерона нет, а подошел к делу основательно. В школьной программе мне всегда нравились стихи С.Есенина, и я решил проанализировать стилистику его творчества. Разобрал несколько стихов, посмотрел, как он выстраивает рифмы, и стал пробовать писать что то подобное. Первые стихи получились, как у всех. Но потом дело пошло лучше, и кое-что я мог бы привести здесь:

Верь

*Верь, что вселенские звезды
выжгли над нами венец,
верь, чтобы не было поздно
сердцу
и мне, наконец...*

*Верь в бесконечное небо
павшее дымкой в реку...
Кто сказал, дева,
что я тебе лгу?*

*Значит, лгут и звезды
где-то мерцают в ночи...
Чтобы не было поздно
-лучше уж промолчи.*

*Слова – они будто сабли
наповал рубят плеча...
Почему же мы их сами
вносим сгорая?*

*Все оказалось просто,
в мире разбитых сердец...
-видишь, над нами венец
выжгли вселенские звезды...*

Со временем, я стал писать чаще и больше, по поводу и без повода. Наконец, я начал думать стихами. Как это? – Очень просто: на любой предмет, который ты видишь, в голове возникает рифма. И, оказалось, находясь в таком состоянии, писать крупные поэтические произведения совсем не трудно. Думаю, Пушкин написал Евгения Онегина именно в таком состоянии. Он просто записывал свои мысли. Хотя я не Пушкин, но меня все равно понесло. Экзаменационное сочинение по литературе в 10-м классе я написал в стихах. На экзамене в военное училище, я тоже написал сочинение в стихах. К сожалению, нет возможности восстановить это все. Только помню, что то там рифмовал про «утопающий линкор самодержавия». Линкор – утонул, а я поступил в военное училище, летом 1972 года. Но все это было потом, а пока были школьные будни и любимая, во снах и наяву.

Поводы для беспокойства

Поводы для беспокойства, конечно, были. И их было немало. Любой взгляд, брошенный не в мою сторону, появление любого сколь – нибудь симпатичного пацана. Драматическая картина развернулась с появлением в нашем классе нового ученика Султана Газиева. Это был узбек. Но это был очень симпатичный узбек. У него было правильное смуглое лицо и СИНИЕ глаза. Не какие-то там блекло-синие, а сочные, яркие, синие глаза! Я не знаю, будь я девчонка, как можно было устоять он этого красавца. Поэтому каждый его шаг был под негласным контролем: кто на него посмотрел, что сказал. Парни в классе находились в наивысшей степени готовности к защите «родной отчизны» от всяких там заезжих абреков. Но Султан был мальчиком благоразумным, и наших девочек своим вниманием не беспокоил. Кроме того, моя девочка училась в параллельном классе, и мне было от этого чуть спокойнее. Вскоре, к всеобщему облегчению, Султан уехал, куда-то к себе на родину.

Более серьезное беспокойство вызывал другой индивид, Женя Тердик. Он был звездой школьной величины, всегда на виду, красивый, эрудированный, комсомольский вожак. Ему удалось побывать в Артеке, и он этим бравировал. Усугубляло дело тем, что кому то из моей компании девчонок он нравился, и они пытались всякими уловками привлечь его внимание (например, звонили ему и молчали в трубку). Я активизировался, чтобы вырвать Наташу из этой компании (готовой увести ее не туда), и мне это удалось. Мы стали гулять вдвоем. А Женя Тердик перестал меня интересовать.

Поводов для беспокойства не было только у родителей Наташи. Меня переполняла любовь, но это была любовь платоническая, как любят икону. Я боялся даже прикоснуться к ней. Родители спокойно отпускали девочек с нами хоть куда. Так однажды, мы приезжали с ночевкой, к бабушке в Вожажниково. Из мальчиков, я и Валера, и с нами 4 известные нам девочки. Днем гуляли на природе. Валера взял мольберт и писал картину, а мы мешали ему.

Ночью спали всей толпой на сеновале. Случился непредвиденный момент, я, ворочаясь, случайно рукой облокотился на грудь Наташе. Что парни делают в такой момент? – Я извинился! Вот такая она, самоуничтожающая платоническая любовь. Если бы было все иначе, кто знает, уехала бы она в Тюмень?

Первый поцелуй

Мой первый поцелуй случился где-то в седьмом или восьмом классе. Мы с Наташей вечером гуляли. Наш маршрут обычно проходил под тополями по улице Окружной, мимо школы, затем по Коммунаров, там, в аппендиксе, который соединяет Коммунаров с Фрунзе (где теперь стоит новый микрорайон), раньше стоял деревянный дом ее бабушки. Мы часто заходили и к ней. Раньше я помнил каждое сказанное моей девочкой слово, и мог воспроизвести его через много-много лет. Чтобы вы понимали, я помнил каждое слово, сказанное в каждый день. Сейчас память унесла это все с собой. Но тот вечер я помню и теперь. Встреча подходила к концу, и мы зашли за изгородь ее дома. В то время это был частный деревянный дом на две семьи. Позже она переехала. Дом был обнесен высоким глухим деревянным забором и вокруг росли яблони. У калитки стоял стол. На нем мы часто сидели нашей компанией (4+1 или 4+2) и играли в карты. Теперь было темно. У двери дома терся маленький котенок, и Наташа взяла его на руки. Уходить не хотелось. Желание прикоснуться к «иконе» прибывало и став чудовищным, переломило меня и заставило потянуться к ней. Я поцеловал ее в щечку. Сердце выпрыгивало. Она немного смутилась и потянула мне котенка. Сказала улыбаясь: «Теперь его!» То, что я смог ее поцеловать, не значило, что теперь мне это позволено делать. Целовать себя в щечку она разрешала лишь иногда, так сказать, за особые заслуги. Я целовал ее бережно, как целуют святую деву Марию, когда требуется отпустить грехи, а в губы не целовал ни разу. Вот такие превратности любви.

Так и шли мы по жизни, рука об руку, пока не пришло время расставаться. Окончив школу, каждый пошел своим путем. Мы этот путь не выбирали, ее выбрал товарищ случай.

Поясню. Раньше не было интернета, и актуальные новости можно было узнать только от кого-то. Местная пресса была озабочена проблемой построения коммунизма, и через нее узнать, что либо, было нереально. Смотрели на старших. Узнавали, куда поступили наши старшие товарищи, и шли по их следам. В результате, в городе сложились цепочки, куда выпускники поступали год от года. Так, я подал заявление в рязанское училище связи, потому что туда в прошлом году поступил Володя Волокитин, из нашей школы. Кроме того, мой отец тоже был связистом и мне это импонировало. Так же поступили и мои друзья: Володя Бодулев (он заканчивал школу в п. Семибратово) и Володя Шокель. С ними мы встретились уже в училище. А девочки год за годом поступали в Москву, в МИИТ (Московский институт инженеров транспорта). Так в малом городе в наше время была налажена работа по выращиванию профессиональных династий.

Наташа сдавала экзамены в Москве, а я в тот незабываемый день на Казанском вокзале, собирався сесть в поезд, чтобы отправиться в Рязань. Она провожала меня. Поезд слегка дрогнул. Кондуктор занервничала. Я поцеловал Наташу в щечку и шагнул в вагон. Поезд тронулся. Меня ждала новая жизнь.

Жизнь III. Наука побеждать (31.07.1972-21.07.1976)

Спаси нас Бог

От ночных тревог

От подъёма раннего

От крика дневального

От тренажей химических

От зарядок физических

От проверки батальонной

*От губы гарнизонной
От взводного беса
От ротного КЕСа
От каши перловки
От строевой подготовки
От занятий тактических
От помех акустических
От утреннего развода
От глаз замкомвзвода
Дай нам Господи
Компота кружку
Да мягкую подушку
Аминь!*

Сельцы

В Рязани мы сдали 4 экзамена и с нетерпением ждали, когда вывесят списки. О счастье! В списках поступивших я увидел свою фамилию. Свершилось то, о чем я мечтал с детства. Я стану офицером. Я, счастливый, в то время еще не представлял, с какими трудностями мне предстоит столкнуться, прежде чем я достигну своей цели. Но «курок» уже был взведен.

В училище мы нашли с Володей Волокитиным, который поступил сюда годом ранее, и он сразу же взял надо мной, как над своим земляком, шефство. Во время учебы в школе мы не общались, но здесь быстро сделались друзьями и в дальнейшем, пронесли эту дружбу через всю нашу жизнь. Он помогал мне советом, предупреждал о различных «подводных камнях», которые в горячке молодости я мог не заметить, и, порой, выручал в сложных ситуациях. Так, при его поддержке, начались мои военные будни. Нас одели в форму и где то через неделю мы отправились в полевой лагерь, где нам предстояло пройти курс молодого бойца (КМБ)9. Путь туда был не прост. Сначала мы ехали, где то, час на поезде, а потом пешком шли порядка 10 километров до реки Оки. Через реку нас переправили на пароме и, наконец, мы оказались в летнем лагере. Он представлял из себя огороженную колючей проволокой территорию, в центре которой располагалась столовая из красного кирпича с высокой трубой, на вершине которой (на красном фоне) чьей то заботливой рукой, белой краской, было написано непонятное нам слово «КЕС-Э». Содержание этого секретного слова мы раскрыли потом. А пока был лагерь. Нам рассказали, что в годы войны здесь формировалась польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, о чем говорил и памятник, стоявший невдалеке. Ровными рядами простирались брезентовые палатки на десятерых, немного в отдалении – давно не крашенные деревянные бараки учебных корпусов, где нам предстояло учиться. Немного поодаль находился спортивный городок, со всеми необходимыми причиндалами: полосой препятствий, турником, брусьями. Ну и, конечно, плац. Армия просто не может существовать без плаца. Где вы еще сможете научиться ходить, если не там? Ха-ха! Да я умею ходить! – Нет, дружок, ты ходишь не правильно, нужно поднимать ногу так, чтобы от пятки до земли было не менее 20 см. Как-то так. В прохождении курса молодого бойца был глубокий смысл, я потом его понял. Казалось, все в нем было придумано для того, чтобы по сильнее поиздеваться над нами. Утро начиналось с кросса. Земли под ногами не было, везде песок, ноги буксуют и вязнут. Хочется блевать. Бесконечные спортивные занятия и плац, снова плац, опять плац! Ноги стерты мозолями в кровь. На щеке от грязи созрел фурункул. Некоторые ребята стали задумываться, а туда ли они попали? Был у меня ситуационный друг, Гена Рябцев (там дружить то, особо, было некогда). Так, иногда, мы оказывались с ним рядом во времена коротких передышек. Он совсем сник. Бурная радость от поступления сменилась у него жесточайшей депрессией. Он собирался писать заявление об отчислении. Я его отговаривал и предлагал еще потерпеть.

Глядя на страдания новоиспеченных курсантов, командиры нас «по-отечески» жалели и говорили: «Если трудно, не надо себя насиловать. Еще не поздно написать рапорт об отчислении, и поступить в какой-нибудь институт. Там не будет кроссов, полосы препятствий, а будет пиво, девочки и все такое...». И некоторые такое решение принимали. Теперь я понимаю смысл курса молодого бойца: надо было избавиться от хлюпиков и слабаков. К концу этого курса в лагере остались только парни, которые имели шанс стать мужчинами, и защитниками. Помню, в то время меня занимал вопрос, в какое подразделение, после этого курса, мне предстоит попасть. В каждой первой роте батальона формировался десантный взвод. Они, кроме всего прочего, что делали все мы, еще прыгали с парашютом. Я с детства боялся высоты (может, когда упал в деревне с бревна на дворе) и мучительно пытался представить, как я буду прыгать с самолета. Врожденная осторожность победила, хотя временами я снова и снова возвращался к этой мысли. Наконец, стали формировать роты. В нашем (втором) батальоне было сформировано три роты (4-5-6), где то в среднем по 100 человек каждая. В 4-ю роту попали те, кто будет учиться на радистов, а в 5-ю и 6-ю – все остальные. До распределения по ротам проводили профессиональный отбор. Он был прост: заставляли воспроизводить различные звуки, последовательность хлопков в ладоши, например. Я похлопал правильно, ведь у меня к этому были все предпосылки (имел хороший слух, учился в музыкальной школе). Таким образом, я оказался в 4-й роте (радистов), что являлась первой ротой батальона. Всего в роте было 4 взвода по 29 человек каждый. Первым взводом был десантный взвод, о котором раньше я так бредил. Я попал во второй взвод. За каждые два взвода отвечал офицер, командир взвода. У 1-2 взвода (т.е. у меня) это был старший лейтенант Купцов, которого вскоре сменил незабываемый Виктор Рафаилович Хусаинов, а 3-4 взводами командовал ст. л-т Павлушкин. В течение всего курса обучения в училище (а это 4 года) командиры взводов менялись, но мне запомнились именно эти. В каждом взводе у офицера был заместитель в звании сержант, который в его отсутствие командовал нами («замок»). Обычно сержантами делали тех, кто пришел в училище из армии (т.е. уже служил). В нашем взводе это был Володя Бескулов, низенький, тщедушный, обидчивый и злопамятный человек, который придирался к каждому пустяку. Во взводе было 3 отделения, которыми командовали в разное время Володя Жеков, Коля Ельчанинов, Саша Терещенко, Коля Зубков, Валентин Половнев, Сергей Тепляков и Коля Анохин. Я попал в отделение к Н.Анохину. Николай был адекватным командиром, все вопросы решал по справедливости и мы старались его не подводить. Бескулов же, использовал свою власть сверх всякой меры. Если к чему прицепится, то жди или наряда вне очереди, или останешься без увольнения. Мы загадывали, что когда получим погоны и станем равны, заставим его новым офицерским кителем вымыть туалет. Но когда это, наконец, случилось, на радостях, простили ему. После училища большинство ребят где-то, порой, пересекались друг с другом, и сейчас мы все в группе WhatsApp. Бескулова же никто нигде не встречал, и ничего о нем не слышал, нет его с нами и сейчас. А командиром нашей роты был назначен удивительный человек, майор Казаев Евгений Степанович (К.Е.С.). О нем слагали легенды. Он любил разглагольствовать, курсируя перед строем взад-вперед, и, держа правую руку за лацканом кителя, выдавал длинные тирады речи, разделяя предложения глубокомысленным и протяжным звуком «Э-Э-Э». Теперь нам стало понятно, о чем нас предупреждала надпись на трубе в полевом лагере Сельцы (КЕС-Э). Это выпускники 4-й роты, которые стали офицерами и отправились в войска, оставили нам свое послание. И мы его получили. Ничего не написал о самом главном, и, как по жизни вышло, о самом талантливом человеке нашей роты. Это был старшина Саша Исайкин. Мужчина богатырского роста. Не мальчик, а именно мужчина. Он был старше нас, служил в развернутых по штату военного времени боевых частях (прибыл из Группы советских войск в Германии), и его авторитет в роте был непререкаем. Как старшина, он был всегда с ротой, и надобность в Евгении Степановиче возникала только тогда, когда требовалось подвести какие-то итоги, что он делал блестяще, указанным выше способом. Саша же Исайкин, единственный

из роты, дослужился до генерала. К большому сожалению, его уже нет с нами. Теперь о моих бывших одноклассниках: Володя Бодулев попал в мой взвод, а вот В.Шокель в 6-ю роту.

Сельцы остались не только в нашей памяти, но и в песне, которую сочинил неизвестный автор. Когда то мы ее пели, проходя пыльными грунтовыми дорогами, от Оки и до железнодорожной станции, прежде чем сесть в поезд, и покинуть это чудесное место:

*Мы выходим на рассвете,
из Селец нам дует ветер
поднимая нашу песню до небес.
Только пыль летит за нами,
с нами бог, и с нами зная,
и тяжёлый АКМС наперевес*

*Командир у нас бедовый,
несмотря на то, что новый,
только нам на это наплевать.
Нам же лучше – может легче
выпить что-нибудь покрепче.
Чёрт один, от какой заразы
нам помирать.
Ну а если кто и помер,
на него сыграем в покер,
и вообще, мы не жалеем ни о чём.
Есть у каждого в резерве
деньги, слава и консервы,
и могила занесённая песком.*

Куплет, про могилу, занесенную песком, я порой вспоминал, продвигаясь по барханам Кара-Кумов (когда служил в Туркмении). Но повесть об этом, мной еще не написана.

Пожар

Год 1972 выдался сложным. Летом была засуха и осенью страну охватили пожары, дым от которых серым покрывалом висел в небе. Если собирался дождь, то смрад опускался ниже, и тогда становилось трудно дышать. Газеты писали, что такое происходило по всей стране. Смог, не пропускающий солнечные лучи, висел везде, даже над столицей. Нам, проходившим в Сельцах курс молодого бойца, особо было некогда интересоваться природными катаклизмами, но они пришли и к нам.

Где то в первой половине сентября над лагерем потемнело, и с неба стали падать серые хлопья пепла. В следующий день, или, может, в этот же день, над головами долго летал самолет-кукурузник. Потом, сбросил какой то вымпел. С этого момента наша жизнь изменилась: прекратились изнуряющие занятия, и стало происходить что-то непонятное. Мы терялись в догадках, но скоро все прояснилось. Первый курс военного училища направляли на борьбу с пожарами. По готовности, нас посадили в кузов автомобилей и мы поехали.

Первое место, где нам предстояло встретиться с огнем, была высоковольтная линия электропередач, проходившая через лес, где то в районе села Красное, Рязанской области. Мы стояли на просеке, перед этой линией, и нашей задачей было не пропустить к ней огонь, а так же к лесу, что стоял на другой стороне просеки. Бульдозеры перед нами подняли широкий пласт дерна, под которым открылась сухая земля. За нашими спинами стояли пожарные машины с брандспойтами, в готовности поливать. А мы? – А мы в руках держали веники, которыми должны были сбивать пламя. Огонь приближался, он шел и по верху и по низу. В какой-то момент пожарные подожгли траву и пустили встречный огонь. Шум горящего леса нарастал.

Стало страшно. В какой-то момент захотелось все бросить, и убежать, куда глаза глядят. Но никто не убегал, и проявить трусость в глазах товарищей было еще страшней. Где то рядом стоял В. Бодулев. Мы договорились присмотреть друг за другом. Огонь открылся внезапно, в какие-то одну-две секунды. Стало нестерпимо жарко. Я, защищая лицо, упал в свежевырытую борозду, что оставил бульдозер. Я боялся, что вспыхнут волосы на голове, и, насколько мог, натянул на голову пилотку и зарылся лицом в землю. Нестерпимая жара продолжалась пару секунд. Затем резко отхлынуло. Я приподнялся, Вокруг потрескивали костерки горящих веток. Пожарные поливали. Мы стали работать вениками. Огонь не прошел! Позднее нам стало известно, что огонь все-таки пробрался через ЛЭП, он обошел нас стороной. Роту погрузили на машины и передислоцировали в другой район. В какой-то момент очаг пожара локализовали, и нашей задачей стало не выпустить огонь из этой ловушки. Этой работой мы занимались достаточно долго, почти месяц, патрулируя по двое или вчетвером определенные маршруты. Возникали, конечно, и происшествия, о которых хочется теперь вспомнить. Ходили обычно цепочкой, след-в-след. Идешь так ночью, а из-под сапог впереди идущего, вдруг появляются светящиеся желтые следы. Стоп! Назад! Здесь торф, обходим это место. Старались ходить по дорогам, если они были. Так было безопаснее, кроме того, по дорогам ездили машины, которые нас высаживали на дежурство и забирали. Но иногда хождение по дорогам могло закончиться трагически. Так однажды случилось и со мной. Дежурство подходило к концу, и мы (не помню, с кем я был) ждали машину. Ноги гудели от усталости, и мы присели на край глубокой дорожной колеи. Незаметно заснули. Заснуть было легко, так как хронический недостаток кислорода в воздухе способствовал этому. Я проснулся от громкого мата, относящегося, как я понял, к нашим персонам, и увидел недалеко от своей головы автомобильное колесо, а прямо надо мной ярким лучом разрезала темноту автомобильная фара. Какое счастье, что Бог был со мной! Возникали и курьезные случаи. Так, однажды ночью, мы бросились тушить возгорание, которое открылось на охраняемой стороне леса. Когда мы приблизились, оказалось, что это пень, а в нем светятся гнилушки. Теперь я знаю, что гнилушки светятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.